

К. Степаненко

ЗОЛОТО РОМАНОВЫХ

Так это начиналось...

8 марта продолжалось вторую неделю. В результате героических усилий Матвея была удалена вся пыль даже с таких поверхностей, про которые в нормальные дни никто и не вспоминал. Было выстирано (спасибо стиральной машине!) и аккуратно разложено по полочкам и ящичкам всё не единожды носимое, расстилаемое и просто случайно попавшее в бак «Для стирки». Вычищена и аккуратно расставлена по своим местам вся носимая и сезонная обувь. Вымытые и натертые мастикой полы сияли и служили катком для бегущей с заносами на всех поворотах собаки. Сама собака (девочка) аккуратно и многократно вычесана и уже готова воротить нос от постоянно подносимых к её наглому носу собачьих вкусняшек.

Про порядок на участке их домика, где вся семья коротала карантин, излишне и говорить. Дорожки расчищены и посыпаны песочком, птички покормлены и даже надоедливые сороки, подкупающие добродушную собаку лакомствами с соседней свалки, забыли про пугающее их пневматическое ружьё.

Процесс приготовления столь любимого в семье «папиного» завтрака, включающего особым образом зажаренные сухарики, копчёности, сало и помидоры, залитые на чугунной сковороде скворчащими яйцами, стал за эти дни настолько рутинным, что душевно истерзанный Матвей стал замечать, что иногда забывает добавлять в приготовляемое кулинарное волшебство некоторые ингредиенты. Остальные, пусть не многочисленные, но фирменные его яства, были исполнены уже по несколько раз, что делало реальной перспективу превращения их в одно из блюд обычного рациона. Что автоматически могло снять с них чарующую оболочку

праздника, а значит – редкого явления. То есть, подарка!
Неожиданного, радостного и долгожданного.

Кулинарные книги и рецепты из Сети были многократно изучены и частично воплощены. В силу скромных поварских способностей самого Матвея.

Каждый вечер «праздничного беспредела», намывая в раковине посуду, а затем - наводя порядок в кухне и гостиной, Матвей надеялся на крепкий сон, без составления в уме плана подвигов на завтра, а также на пробуждение обычным будничным утром.

Но, как и вчера, а также позавчера, зашедшие на кухню чмокнуть его в запотевшую щеку жена и дочь, после обычных слов – «Спасибо, папочка, за чудесный праздник!», снова добавляли – «А завтра, если ты действительно хочешь устроить нам настоящее 8 марта, ждем от тебя...»

Не дослушав продолжения – «Кофе в постель, скромный букетик цветов и чего-нибудь вкусенького на завтрак, обед, и, возможно, ужин...», Матвей проснулся.

Ночной кошмар ушел, видимо, не до конца, поскольку спросонья он не сразу смог сообразить, какое это было число. Взяв с тумбочки телефон, с чувством глубокого удовлетворения увидел – 9 марта. Многократное ура!

Но, кроме этого успокоительного числа, Матвей увидел, что ему на почту пришло сообщение с отметкой «Очень важно» от его нынешнего компаньона, гения компьютерных технологий, Мити. Сфокусировав взгляд, Матвей прочитал текст. Сообщение, состоящее из лаконичной фразы – «Приезжай. Интересно и срочно!» было отправлено в 3 часа утра, что вполне объясняло, почему Митя просто не позвонил.

Как и все слегка гениальные айтишники – а разве есть другие? – Митя давно сбил обычный человеческий биоритм, перенеся

период своей жизненной активности на ночь. Когда их сотрудничество, переросшее затем в хорошие человеческие отношения, только зарождалось, самым страшным для Мити было назначение их деловых встреч на первую половину дня. Отказаться от них, как зависимый от Матвея работник, он не мог, скрепя сердце соглашаясь на встречу. Правда, в этом случае Матвею, человеку – жаворонку, фонтанирующему энергией и идеями в период, когда солнце только начинало свой дневной путь к закату, доставался вялый собеседник, с замедленной речевой реакцией и действительно раздражавшей Матвея произвольной зевотой компьютерного гения.

Проведя нехитрый анализ ситуации, где константой умозаключений была осознаваемая невозможность найти нормального «дневного» айтишника, Матвей заставил себя несколько изменить свой стиль жизни и общаться с Митей на «закатном» солнышке. Если иное не предусматривала срочность ситуации, как в данном случае. Поскольку в сообщении своего партнера было слово «Срочно!», Матвей отправился к тому домой прямо с утра, в глубине души надеясь, что Митя еще не лёг спать и оценит привезенную ему банку хорошего растворимого кофе.

Прошу прощения у любезного читателя за оксиморон, он же нонсенс – «хорошего растворимого...», ибо кто же не знает.... Но Митя пил только растворимый, даже не предлагая его Матвею.

За плечами Мити был честный диплом технического ВУЗа, который «яйцеголовый айтишник и хакер» сумел окончить за три с половиной года. Потом он искал себя, получая то копейки, то жирные куски за использование своих мозгов, пока не встретил на своем жизненном пути Матвея. Начавшееся с выполнения Митей разовых поручений «вечного искателя приключений на свою ... спину», их сотрудничество приобрело характер постоянного, ибо было простым, интересным и не криминальным. Матвей получал быстрый доступ к интересующей его информации, а Митя имел стабильный доход и явно ласкающую его «эго» самореализацию.

Колясочником Митя стал после аварии, влетев на своем спортивном велосипеде под колеса тяжелого внедорожника. Полученная, не без помощи Матвея, от виновника аварии компенсация, участие своего богатенького отца, давно ушедшего из семьи, помогли ему сохранить частичную подвижность, оборудовать в одной из комнат оставленной ему отцом трехкомнатной квартиры тренажерный зал и приглашать тренера – массажиста. Он даже сел за руль автомобиля, спортивные обводы которого напоминали ему о несбывшихся надеждах.

Когда были перепробованы все медицинские светила, предлагавшие широчайший выбор лечения – от экзоскелета до полной переборки всего организма, но не дававшие ни малейшей гарантии в обмен на запрашиваемые астрономические цены своих услуг, Матвей решил вернуться к своему жизненному кредо – «Лечи себя сам!». Подключив все свои связи, ему удалось через своего знакомого, работающего с людьми «особых» способностей, выйти на след человека, умевшего когда-то бесконтактно перенастраивать организм человека, нацеливая его самостоятельно решать стоящие перед этим организмом проблемы.

Получив адрес этого целителя, сменившего столичную Москву на алтайскую глубинку, Матвей, весь в азарте от выпадающего шанса помочь другу, даже не обратил внимания на слова своего знакомца, Николая Николаевича, – «Попробуй, конечно! Только он вряд ли сейчас поможет. Выкипел дар...».

Путь к целителю занял почти сутки, включая перелет, автопробег по сомнительным дорогам горного Алтая и даже двухчасовую переправу на дюралевой моторке к одинокому домику на живописном озерном берегу. Всё это время Матвей размышлял, планируя, как он доставит Митю в это отдаленное место.

В доме была только молчаливая, печальная и совсем седая женщина. Помешивая что-то, пахнущее на весь дом травами, в стоящем на дровяной плите горшке, она поведала, что её муж, к которому и ехал Матвей, ушел в тайгу на сбор трав и вернётся только завтра к вечеру. Матвею было предложено переночевать на «гостевом» сеновале, для чего ему был выдан спальный мешок, сильно отдающий дымом. Заметив реакцию московского гостя на этот запах, женщина спокойно сказала.

- Мешок не стираем. Стиралку гонять, так горючего на движок жалко. А в озере стирать, так холодно уже, да и тяжелый он, мешок – то, когда мокрый. Мы его на хвойном дыму коптим. И гигиена, и мошка не летит. Но мазью все равно намажьтесь. Есть у вас мазь-то? А то у меня купить можно...

Антимощкариновая мазь опытным путешественником Матвеем была заблаговременно куплена еще в Москве. Но он всё равно купил пару баночек с чем-то «очень целебным и натуральным». Хотя запах от мази шёл ну совсем уж «натуральный». Зная по опыту, что у местных нельзя вот так, «в лоб», спрашивать – что едим и чем лечимся? – он смог промолчать. А то, не дай Бог, услышит в ответ такое... У всех ведь разные желудки...

Согласился он и поужинать с подобрившей, после покупки за наличные двух баночек с мазью, хозяйкой, надеясь заручиться её расположением.

За скромным ужином, истинным украшением которого был жареный хариус и копченая оленье губа, хозяйка не отказалась от предложенной Матвеем рюмки домашней настойки. И завязалась беседа. Женщину, прожившую большую часть своей жизни в столице, интересовала, прежде всего, культурная жизнь Москвы. Репертуар театров, выставки, судьбы кумиров бомонда. Несмотря на ограниченность телевещания, а даже поднятая на 20 метров антенна давала возможность смотреть только два канала, она была

намного больше информирована в этом плане, чем Матвей. Он, как истинный москвич, не баловал своим присутствием всевозможные «ивенты», справедливо полагая, что всегда сможет их посетить, а если и упустит некоторые из них, то следующие будут еще лучше. Да и вообще...

В качестве компенсации за своё псевдокультурное невежество Матвей вручил хозяйке два взятых «на всякий случай» в самолёте журнала, на потрёпанных страницах которых, вперемежку с рекламой, была щедро разлита вся эта сильно «жёлтая» информация.

Это окончательно растопило сердце алтайской отшельницы, и разговор плавно перетёк на объект интереса московского гостя - мужа хозяйки.

«Дар целителя открылся у мужа лет в сорок, после тяжелой операции на голове. Ему удалили опухоль, и он вдруг стал видеть людей, как он говорил, «насквозь», замечая все неисправно функционирующие органы. Он даже купил себе учебников и атласов по медицине, чтобы понимать всё увиденное. Сначала он воспринимал это как забаву, никому не говорил, не давал советов. Потом как-то сказал, что к нему пришло понимание того, на какие органы, и как надо воздействовать, чтобы они восстановили свою деятельность. Он часто говорил, что достаточно исправить один дефект, и весь организм или какая-то важная система приходит в норму, начиная исправлять всё запущенное. Он сравнивал организм человека со сложным механизмом, где от маленькой детали зависит вся его работа. Он помог мне с какими-то возрастными хворями – а у кого их нет... Жалел только, что сам себя полечить не может. «Не вижу себя» - говорил. Жалел, что зубы наращивать или заново отращивать не может, как и потерянные конечности. Он тогда и с Николаем Николаевичем познакомился. Тот взял его к себе в институт лаборантом, что-то мудрили они там с даром мужьиным...

Потом, когда у него получилось подлечить меня, спросил как-то – «Ну, чем еще могу помочь?». И я, дура, призналась, что хотела бы сбросить несколько лишних килограммов. Мешают, мол, да и на сердце ненужная нагрузка. Это я сейчас такая худая, а раньше была такая... обтекаемая. Промолчал он тогда, сморщился, ничего не ответил, но я через некоторое время почувствовала, что теряю вес, а организм вдруг сам стал отказываться от каких-то продуктов. Это было забавно и здорово! Вы же понимаете, каково это для женщины - вновь ощутить себя гибкой и стройной. Да и дело появилось – гардероб ушивать. А он смотрел на меня хитрыми глазами и всё комплименты делал. Да, еще не давал обычные лекарства пить, говорил – «Дай организму самому себя наладить!».

Первыми эти перемены заметили дочери и пристали ко мне - «Как удалось, да что за диета!» Мы с мужем долго молчали, но потом признались. Ну, естественно, они сразу набросились на него – «Мы тоже хотим избавиться от нелёгким путём нажитых зубами и языком килограммчиков!».

Он честно предупредил, что всё это – не научно и не имеет клинической истории. Сказал, что делает всё наощупь; метод не проверен, не известно, как поведет себя организм потом. Но дочери, глядя на меня, не отставали. Тогда договорились, что подождем полгода, посмотрим, как я себя буду чувствовать. За полгода я еще постройнела, отказалась от небольших вредных привычек и некоторых продуктов. В общем, чувствовала, да и сейчас чувствую себя хорошо. Кстати, вес так и не набрала. Хотя в еде стала очень разборчивой. Словно организм сам запрет на что-то ставит.

И через полгода дочки надели на папу плотно. Мягко он был, всё готов был сделать для любимых дочерей! Предупредил их, что вес будет уходить сам. Надо лишь прислушиваться к своему организму, следовать его «советам» в еде и питье. Еще следовало отказаться от лекарств. И молчать! Никому не рассказывать! Как чувствовал...

Девочки построили, посвежели, перестали ходить к
лекарям.

И вот, где-то еще через полгода, старшая вдруг обратилась к
отцу с просьбой.

- Папочка, папочка! У меня есть подружка, ну просто
знакомая. Такая вся умная, добрая! Просто супер - супер! Она
очень поправилась. Что только не делала, ничего не помогает. Она
страдает, мучается. Никакой жизни... Боится из дома выходить! Не
мог бы ты ей помочь?

Муж сразу спросил, рассказала ли дочь свой знакомой о нём и
лечении. Дочь призналась.

- Прямо не сказала. Намекнула... Она же заметила, как мы с
сестрой изменились. Все девчонки это обсуждают. Она же моя
подруга. Нечестно было бы молчать. И еще. У неё очень богатый
папа. Очень – очень. И он готов заплатить ЛЮБУЮ сумму. Вам ведь
нужны деньги?

Муж сразу сказал, что никаких денег он не возьмет. Помочь
отказался. Но дочь была очень настойчива, била на сострадание и
помощь ближнему.

И он опять согласился. Поговорил с дочкиной подругой, её
отцом. Предупредил о всех условиях, сразу отказавшись от денег.

Лечение началось. За три - четыре месяца вес девушки
пришел к бывшему результату. Муж еще сказал, что слишком быстро
всё идет. Еще он что-то у неё увидел внутри, но не сказал никому,
снова предупредив о необходимости соблюдать рекомендации.
Его заверили, что всё выполняется.

Еще через два месяца вес девушки упал за предельную
норму. К ней вызывали врачей, поставивших диагноз – анорексия в
запущенной форме. Пациентку увезли в больницу, где
обнаружилось, что наряду с «естественным снижением веса» она
принимала повышенную дозу импортных таблеток для похудения.

Как она объяснила врачам и навещавшим её подругам, ей «хотелось ускорить процесс». Наши врачи не смогли вывести девушку из этого состояния, и отец увёз её в клинику в Швейцарии. После этого он устроил скандал мужу, обвинив его в шарлатанстве и намеренном причинении вреда здоровью дочери. Через свои связи мужу удалось получить копии медицинского заключения о приеме девушкой таблеток для похудения, и он предъявил их отцу девушки. Но тот не хотел и слушать слов оправдания, сказав, что будет мстить нашей семье. У нас сгорела машина, дача, была попытка поджечь квартиру. Мы испугались за детей и отправили их за границу. Видимо, навсегда... Сами продали всё, что у нас было в Москве, и перебрались сюда. Муж устроился лесником. Дар исцеления и «просвечивания» людей у него пропал, как сказал направивший нас сюда Николай Николаевич, в результате сильнейшего нервного срыва. Остались только понимание трав и грусть. Я помогаю ему делать мази и бальзамы из трав. У нас их охотно берут местные санатории и аптеки. Хорошая добавка к пенсии.

А вы ведь за помощью к тому, прежнему мужу – целителю, приехали? Увы, не поможет. А, может, и к его счастью. Тяжелое это бремя – людям добро делать...»

Долго еще ворочался в ту ночь Матвей в пахнувшем дымом спальном мешке на сеновале. Мошка заела, и в добавок к приобретенному в Москве крему от насекомых (видимо, не тех), пришлось Матвею измазать себя пахучей местной мазью. Мошка ретировалась и мирно гудела в полутора метрах от спальника, а Матвей, убаюканный этим звуком и ароматом свежескошенных алтайских трав, крепко уснул.

Утром Матвея угостили чаем с им же привезенным московским зефиром (хозяйка к нему не притронулась; видать, прислушалась к своему организму) и дали удочку. Накопав червей, Матвей провел счастливейшие полдня на берегу живописного озера, обрамленного заросшими соснами холмами. На хариуса, то

есть к ревушей по валунам при впадении в озеро горной речушке, Матвей благоразумно не пошел и довольствовался десятком подлещиков и окуней.

Вечером пришел сам бывший целитель с огромным рюкзаком трав, сам пропахший костром и лесом. Жена истопила ему баню, куда был приглашен и Матвей. Баня была хороша, но хозяин, по сути дела, повторил уже известную Матвею печальную историю.

- Не делай людям добра, не получишь..., того, что я получил, - завершил бывший целитель свой рассказ.

- Сами - то в эти слова верите? – не удержался от вопроса Матвей.

- Уже – да!

Смотреть привезенные Матвеем рентгеновские снимки и прочие медицинские документы Мити, он даже не стал.

- Не врач я. Объяснить и направить не могу. То, прежнее, сверху приходило, само. Извините!

Снова ночь в компании гудящей мошкары, а утром хозяин, которому Матвей щедро заплатил за свой визит, включив в счет бензин и червей для рыбалки, сам отвез на моторке своего гостя к поселку на другой стороне озера.

Прощаясь, он долго жал руку московского гостя, протянул пакет с несколькими баночками мази «для болезного», посетовав, что ничем больше помочь не может. Просил передавать привет Николаю Николаевичу.

- Это ведь он помог мне тогда открыть мой дар. Ему врачи в больнице, где меня оперировали, рассказали про мой ночной бред и видения. Мы с ним пытались работать, и он предостерегал меня от самостоятельной помощи людям. Не послушался я его, дурак... Он, добрая душа, помог мне и дочкам тогда из Москвы исчезнуть, сюда определил.

- Но дочери – то как? Форму поддерживают?

- Да, у них всё в порядке. Только видимся редко, да и меж собой они... Никак забыть не могут, что подставили всю семью.

Вернувшись тогда в Москву, Матвей не стал ничего рассказывать, а просто вручил Мите «целебную мазь», но позвонил Николаю Николаевичу и передал тому слова благодарности от бывшего целителя.

Получив приглашение приехать к Мите домой, Матвей не смог заставить себя спуститься в душный и потенциально вирусоопасный метрополитен, а вызвав такси, позволил себе с комфортом доехать до уютного пентхаузного поселка Новой Москвы. Остановившись у шлагбаума, он с удовольствием вдохнул свежий воздух. Перед нужным Матвею домом, все подъезды которого были оборудованы пандусами, была небольшая автостоянка, защищенная от непрошенных посетителей специальным знаком «Только для инвалидов». Никто, конечно, не «бдел» за соблюдением требований знака. Срабатывало чувство уважения и коллективного проживания в духе добрососедства. Да, мой язвительный читатель, такое еще бывает...

Митя несколько раз предлагал Матвею ставить за ветровое стекло своего автомобиля этот самый знак колясочника, что давало право пользоваться специальной стоянкой. Сам Митя устанавливал свой знак только на таких парковках, а в ходе своей по-прежнему лихой езды, снимал и убирал знак в специальный карман сиденья, чтобы тот не напоминал о несчастных обстоятельствах.

Стараясь быть тактичным, Матвей отклонял такие предложения, хотя дотошный Митя и предлагал ему вполне законные основания для получения знака. Но, считая себя атеистом, Матвей был в глубине души суеверен и убежден в том, что обман, особенно за счет действительно огорченных судьбой людей, всё равно будет наказан. Он не мог парковать автомобиль на специальных местах у торговых центров и со злорадством

наблюдая за парковавшимися там роскошными «инвалидными» иномарками с холеными хозяевами, не мог отказать себе в удовольствии представить постигающее их «божье наказание» в виде серьезной умственной или физической травмы.

А не буди лихо, пока оно тихо!

Не зря же люди, которых судьба наделила физической немощью, называют остальных – «временно здоровые»!

Дойдя до Митиного подъезда (ну не «парадной» же! Чай не в Питере живем!) и позвонив в домофон, Матвей был готов к ожиданию и хриплому голосу непроспавшегося компьютерного гения. Но, на удивление, Митя ответил сразу, голос был бодр и свеж.

- Заходите, партнер! Как раз к завтраку!

Дверь Матвею, к его немалому удивлению, открыла симпатичная брюнетка в пикантном халатике. Улыбнувшись гостю, она поспешила на кухню, объяснив на бегу, что у неё варится кофе и могут подгореть круассаны. Доносящийся в прихожую аромат подтверждал её слова. Въехавший к переобувавшемуся Матвею Митя был в чистой!!! майке, нелинялых спортивных штанах, чисто выбрит и даже пах одеколоном.

«Где-то в Африке крокодил сдох...» - успел подумать Матвей, пристально глядя в глаза своему компаньону. Тот, моментально всё понял (айтишник-раздолбай отличается умом и сообразительностью) и радостно сообщил.

- Мы с Танюхой решили жить вместе. Она – массажист и спортивный тренер. И еще она – чокнутый геймер. У нас - полная программная совместимость. Планируем восхождение на Килиманджаро...

Пока они шли на кухню, где, по московскому обычаю, и проходили все наиболее интересные встречи и разговоры, Митя успел рассказать, что Таня пришла к нему делать массаж вместо

заболевшей подруги; у неё удивительно чуткие руки; она сама восстанавливалась после спортивной травмы; да и вообще...

Порадовавшись за светящего от счастья друга и компаньона, Матвей, не совсем вежливо, его перебил.

- Рад за вас. Вижу, что ты попал в хорошие руки. Насчет Килиманджаро загадывать не будем. Как говорит мой знакомый пат...э, хирург, только вскрытие даёт точный ответ на реальность наших планов. Извини за солдатский юмор. Чего звал?

- Матвей, вы ведь знаете, что мой родной отец давно имеет другую семью, но мы с ним поддерживаем ровные отношения, особенно после смерти моей мамы. Он помогает мне. Квартира, вот, машина, на лечение деньги подкидывает. Я не говорил вам, но у него крупная транспортная компания, работают по всей России и за рубежом. Так вот, на него серьезно наехали...

Матвей всей своей широкой спиной почувствовал, что пора сесть за стол и попробовать круассанов. Таня, оказавшись еще и тактичной, накрыла на стол и выскользнула из кухни. Крикнув из коридора, что ушла в магазин, трижды повернула ключ в замке, словно обеспечивая мужчинам тайну и секретность переговоров.

Пока наливали и пробовали кофе, макая в ароматный напиток кусочки хрустяще - воздушного круассана, Митя всё порывался говорить, но сдержал себя, дожидаясь, пока Матвей не завершит завтрак. Мысленно поздравив себя с этой удачей воспитания, Матвей удобно откинулся в кухонном полукресле.

- Теперь говори. С самого начала, подробно и без эмоций.

- С отцом обычно общаемся по скайпу или телефону. Тут он внезапно приехал сам. Таким встревоженным я его еще не видел. Сказал, что вокруг него творится какая-то непонятная, но очень ущербная для него возня, и он опасается за меня. Короче, в него не стреляют, и его транспорт не взрывают. Но у него «накрылись» несколько очень выгодных контрактов. Причем причиной были

явно подстроенные неприятности с таможней и доведенная до его контрагентов информация о том, что папина компания должна попасть в санкционный список Запада, что автоматически лишит её права работать на международных перевозках. Хотя никакого отношения к этим «тёркам» Кремля, Белого дома и Евросоюза компания не имеет! Подумаешь, пару раз папины фуры отвезли гуманитарную помощь на Донбасс! Многие ведь ездили тогда...

В компании есть несколько крупных акционеров, как российских, так и из стран Восточной Европы, которые также получили информацию о якобы имевших место финансовых злоупотреблениях отца на посту генерального директора.

- А какие именно финансовые злоупотребления вменяют в вину твоему отцу? – Матвей старался быть рассудительным, до конца не понимая, какое отношение к нему имела эта Митина обеспокоенность делами своего отца.

- Понимаете, Матвей, - Митя всегда обращался к своему старшему партнеру на «вы», объясняя это тем, что ему так удобнее сохранять для всех, да и для себя, их деловую иерархию, - у папы, как и у всех руководителей нашей страны, есть так называемая «чёрная касса». Вы, надеюсь, знаете, что это такое?

Матвей, к его счастью, никогда не был крупным и единоличным руководителем, которому была бы нужна «чёрная касса», но он знал, что это такое. Он прекрасно понимал, что официальная бухгалтерия любой из организаций, под страхом проверки и равной уголовной ответственности за обнаруженные нарушения директора и главного бухгалтера, никогда не пойдет на официальную оплату всех расходов на встречи и проводы многочисленных проверяющих, старших по рангу министерских или ведомственных чиновников, а то и просто всякой прилипающей шушеры.

Толку от них никакого, но навредить могут сильно! Вот и надо ублажать...

А благотворительные мероприятия! Парады – алле и караоке под фанеру! А ведь есть еще полезные визиты и мероприятия, на достойное проведение которых скромных «представительских» никогда не хватит. Вот и крутятся директорский корпус, командование воинских подразделений и даже послы, изыскивая более или менее благопристойные, с точки зрения закона, способы финансирования не совсем протокольных расходов.

На Руси повелось это еще с бояр, отправляемых царем-батюшкой во всякие, государю нужные места, безо всякого жалования, а просто - на «кормление», подразумевавшее, что изворотливый боярин и себя покормит, и высших не забудет. А по умению искать всякие хитрые ходы, избегая ответственности, и судили о том, насколько «ухватист и оборотист» боярин, способен ли он подняться на очередную ступеньку государственной власти. Потому и были всегда при боярах, а сейчас – при всех руководителях, особые люди, добывавшие этот самый неучтенный в бухгалтерских книгах «презренный металл». И как бы не презирал их остальной персонал, они были, есть и будут. Поскольку ухитряются не только выжить, но и спину начальника прикрыть. А суть шипящих на них «честных и неподкупных» чётко определил один из русских классиков – «а что, де, якобы, есть на Руси некоторые, которые не крадут и мзды не берут, так только потому это, что украсть нечего, да и не даёт никто. Не доросли до таких постов, бесталанные...».

Вся эта сумятица мыслей мигом пронеслась в голове Матвея, наведя его на верную, как оказалось, мысль.

- Кто-то «сдал» твоего отца? Сам участвовал, всё знал и решил подставить?

Митя даже рот открыл от удивления.

- Ну вы даёте! Откуда...? Даже не интересно с вами разговаривать, излагать, так сказать, фабулу, исподволь подводить к выводам...

Митя демонстративно замолчал, картинно откинулся на стуле, отхлебнул уже явно остывший кофе и только хотел замкнуться, улетев в свой недоступный айтишный мир программного моделирования нестандартных ситуаций и решений, как резкий хлопок неслабой руки Матвея по хрупкому стеклянному столу вернул его к реальности. Митя аж вздрогнул.

- Да, да, извините. Так вот, отец в ту нашу встречу рассказал мне про свою «чёрную кассу»... Он не брал себе из неё ни копейки, поверьте, Матвей! Он покупал на эти деньги подарки своим компаньонам, платил таможенникам и служащим грузовых терминалов, что-то засылал «наверх». Но это не важно.

Всем этим занимался папин заместитель по логистике, Петр Липницкий, Липа. Очень близкий отцу человек, пользующийся его безграничным доверием. Они знакомы со студенческой скамьи, где Липу дразнили «Французом» за забавное грассирование. Папа как-то в шутку сказал, что Липа смог остаться его другом и верным деловым помощником, даже несмотря на то, что папа «отбил» у него женщину, свою вторую жену и Пашкину мать. Липницкий потом так и не женился. Видимо, продолжал любить Илонну. Отец упоминал, что после того, как он с Илонной фактически расстался, она снова обратила внимание на Липницкого. Но отца это уже не интересовало. Он не разводился, боясь, что и Пашка от него отдалится, как я в свое время.

Так вот, накануне Липницкий пригласил папу в баню. Они туда часто ходят, чтобы поговорить без лишних ушей. Хотя... Я говорил папе, что абсолютно закрыться от чужих глаз и ушей невозможно. Помните, как тогда, на пляже, вы сумели вставить «жучок» в кепочку тому типу. Ну, который...

Матвей сердито хмыкнул, и Митя вернулся к своему рассказу.

- Так вот, тогда в бане Липа, а папа действительно считает его своим другом, и рассказал, что около месяца назад с ним встретился, как он сказал, «очень влиятельный человек из

банковских кругов» и, серьёзно угрожая самому Липницкому и его близким, заставил написать докладную на имена основных компаньонов их компании о том, как они с папой выводили деньги из оборота, снижая тем самым прибыль.

По словам Липницкого, угрозы были настолько серьёзны, что он написал такую бумагу за своей подписью, изложив в ней конкретные сведения за последние пару лет о получении внеплановой прибыли, не отраженной в бухгалтерской документации.

- Ты сам – то этого Липницкого видел? Описать можешь? Что он за человек?

- Нет, лично встречаться не довелось. Но папа говорит...

- Стоп! Возвращайся к изложению событий, - Матвей даже поймал себя на мысли, что заговорил жестким тоном, может быть, не совсем подходящим трагизму ситуации.

Митя, погруженный в свои переживания, не обратил внимания на строгость тона своего партнера и продолжил.

- На следующий день Липа не вышел на работу, отключил телефон и не открывал дверь квартиры. Он просто пропал, исчез, отправив папе электронное письмо, в котором сообщает, что больше не может работать в такой обстановке и принял решение переехать в другую страну. Папа сказал, что Липницкий оборвал все контакты в России, и даже гостивший в его квартире племянник не знает, куда именно уехал его дядя. Да и самого отъезда племянник не видел, так как был в это время у друзей на даче. Из квартиры исчезли только деньги, драгоценности и несколько носильных вещей. Да, и еще... Исчезли также ноутбуки, жесткий диск компьютера и даже все блокнотные записи хозяина, любившего, по словам того же племянника, иногда делать записи не в электронном виде, а на бумаге.

Митя был расположен еще долго говорить об исчезновении сотрудника своего отца, но уже порядком уставший от просеивания бесполезного словесного мусора Матвей грубо его прервал.

- К делу, милейший. Суть где?

Митя встрепенулся, словно стряхивая с себя описания других деталей произошедшего, которые казались ему весьма значительными и достойными более пристального внимания своего старшего компаньона.

- Так вот. Папа сказал, что все, изложенные в письме его заместителя, факты не имеют особого значения для формального аудита и не несут за собой даже материальной ответственности, укладываясь в понятие хозяйственной самостоятельности. Но обвинения ему могут быть и будут предъявлены по самому чувствительному для бизнесмена его уровня пункту – утрата доверия и финансовая нечистоплотность. По словам отца, это поставит крест на любых его планах восстановить в прежнем объеме деятельность его компании или начать новый бизнес.

- Еще конкретнее? – Матвей уже не старался быть тактичным.

- Через пару недель состоится собрание акционеров, на котором отцу, по его мнению, предложат уйти в отставку с поста генерального директора, а также продать свой пакет акций.

- Сколько у него?

- Четверть всех выпущенных на сегодняшний день, плюс, как положено, одна акция. Насколько я знаю, он уже получил предложение от некоего посредника по продаже своего пакета, но даже не стал с ним разговаривать – настолько ничтожной ему показалась предложенная сумма.

- А остальные акции как распределены?

- Насколько я знаю, 20% акций было у папиного заместителя Липницкого. Остальные, пакетами по 5% и 10%, выкупили в свое время сторонние акционеры.

- Однако, ты неплохо разбираешься в делах своего отца. Он готовит тебя в продолжатели семейного бизнеса?

- Он предлагал должность своего помощника, то есть официальное положение в его бизнесе, но я отказался. По целому ряду причин... Да, к тому же, как я уже говорил, от второго брака у него есть сын, Паша. Павел Шток, он взял фамилию своей матери, второй жены моего отца. Неплохой парень, с мозгами. Учится сейчас в Англии, на экономическом. Так что по всем статьям – готовый приемник! А со мной отец советуется, и я помогаю ему с информацией... Честно говоря, крах его бизнеса будет серьезным ударом по моим планам.

- Танюша и Килиманджаро? – несмотря на усилие, голос Матвея прозвучал скептически.

- Да! В том числе! Не надо издеваться... Но и отца жалко.

- Ну, вот, добрались до итога. Так чего от нас, а в данном случае от меня, надо твоему папе – бизнесмену? Думаю, мне следовало бы - из уважения к тебе – с ним встретиться. Терпеть не могу «испорченного телефона».

- Я тоже так считал. Но вчера отец срочно уехал в Европу, где у него назначены личные встречи с партнёрами. И вернётся он уже к собранию акционеров. Да, и самое главное – он не просил ни меня, ни вас, уважаемый партнер, помогать ему. Это – целиком моя инициатива! Я очень хочу ему помочь разобраться, что стоит за всей этой историей и кому он перешел дорогу. У меня есть вся необходимая информационная база по бизнесу отца, его контактам.

В том числе – Митя вдруг понизил голос и, наклонившись, насколько смог, к Матвею, почти прошептал – у меня есть его

заветная тетрадь! Он передал мне её перед отъездом, не полагаясь на хранение в офисе или дома, не говоря уже о банковской ячейке.

Немало удивившись поведению Мити – а ожидать такой опаски от своего партнера, бога всей следящей техники, Матвей никак не мог! – он так же тихо спросил.

- А что там? Или пойдем в ванную, откроем шумные струи кранов и будем беспрерывно спускать воду в унитазе?

Митя тихо передал Матвею под столом пакет, в котором прощупывалась толстая тетрадь, и глазами показал на свой тренажерный зал. Наивный! Думал, что в помещении, пахнувшем потом, болью и иными запахами резких мышечных усилий, не может быть аппаратуры слежения, которой вдруг стал бояться гордый хакер Митя.

Подыграв Мите громко сказанной фразой – «Что-то есть захотелось от твоих историй! Может, приготовишь мне свое фирменное мясо в соусе бешамель. А я пока пойду, разомнусь на тренажере. А то сегодня без физзарядки из дома убежал...», Матвей, взяв тетрадь, пошел к не очень любимым им силовым тренажерам, единственное достоинство которых видел в том, что они не задавали дурацких вопросов.

А с учетом того, что Матвей провел с тренажерами почти два часа, вдыхая запах трижды подгоревшего соуса бешамель, это было не маловажно.

Как быстро понял Матвей, в тетради были собраны версии исторических событий, связанных с передачей российскими императорами своего личного, и весьма немалого, золота за рубеж. Не претендуя на документальную достоверность, эти версии были переданы в изложении различных деятелей самого широкого круга занимаемого ими положения в России и иных странах.

Каллиграфическим почерком, что значительно ускорило ознакомление с содержанием тетради, Митин папа подробно излагал версии о том, что первым российским императором, отправившим свое золото на благое дело создания Лиги наций, был Александр Второй. Автор этой исторической версии полагал, что российский венценосец активно дружил в то время против Великобритании с президентом американских штатов Авраамом Линкольном, который, якобы, также вложил занятые у банковского дома Ротшильдов деньги в созданный ими фонд. Золото Александра Второго, переводившееся по каналам процветавшей тогда российско-американской торговой компании, складировалось, по некоторым данным, в Испании, где таким количеством желтого металла в те годы трудно было кого-то удивить.

Потом последовала ссора банкира Ротшильда с Линкольном, в результате которой американский президент был убит в театре. А вскоре и сам Александр Второй таинственным образом покинул этот мир. По мнению некоторых знатоков тех событий, золото Александра Второго благополучно переехало тогда в закрома Ротшильда. А деньги, якобы ссуженные банкиром Аврааму Линкольну, видимо, так и не покидали этих закромов. А там – кто же их сличать будет! Как в мультфильме про «золотую антилопу», где раджа не хотел отдавать чужие деньги, аргументируя это тем, что теперь невозможно отличить их от своих...

Создание Лиги наций откладывалось, а российское золото медленно обрастало процентами в сундуках Ротшильда. Стоило в конце 19 века непутевому императору Всея Руси Николаю Второму зашевелиться и справедливо спросить – «Где деньги?», как Ротшильды, тогда уже официально командовавшие всей российской казной, развязали мировую войну и втянули в неё Россию. Это разом сняло все вопросы о золоте российских императоров. Почему – «императоров?». Да всё просто. Великого миротворца Николая Второго убедили (отгадайте, кто!?), что идею

Александра Второго о создании Лиги наций надо «развить и углубить», и перед самой войной Николай Второй внес в якобы существующий фонд еще несколько вагонов своего личного золота, отправив его на этот раз прямиком в Лондон. Чтобы не тащить дважды до закровов Ротшильда.

Потом в тетради была выписка из чьей-то работы о том, что основой созданной в 1913 году США Федеральной резервной системы, которую американский президент Гудро Вильсон вскоре благополучно передал в собственность банковскому дому Ротшильдов, стало золото двух российских императоров, несколько золотых монет других облапошенных европейских правителей и уж совсем какая-то шекельная мелочь банкирских сундуков.

Там же были приведены слова английских и российских историков о том, что во избежание появления наследников из российского императорского дома, именно Ротшильды настояли на том, чтобы арестованного Николая Второго и его семью не перевозили в Англию. Якобы те же Ротшильды через своих людей в революционной России настояли на казни императорской семьи.

Даже приводится выдержка из допроса организатора царского расстрела Юровского Яковом Свердловым, тесно связанным с банковским домом Ротшильдов. Свердлова интересовали не последние минуты жизни казненных, а личный архив императора. А именно – бумаги на переданное Александром Вторым и Николаем Вторым золото в подконтрольный Ротшильдам фонд Лиги наций.

Эти же бумаги искал тогда и основной агент Ротшильдов в революционной России - Лев Троцкий, но тоже безрезультатно. Хотя, как знать...

У Юровского, перед которым, как следовало из записки, была поставлена задача изъять весь архив убиенного им Николая Второго, не было этих бумаг, поскольку, по другим «достоверным» данным, эти документы и их копии дальновидная матушка Николая

Второго Мария Федоровна Романова, в девичестве – Мария София Фредерика Дагмар, увезла из России с собой и разложила по банковским ячейкам в крупнейшие банки Европы.

Там же была копия справки со страшным грифом «ЦБ России», датированная далеким 1980 годом, где сообщалось, что общая сумма императорских вкладов составляет огромную сумму в долларах с почти пятнадцатью нолями. По условиям оформленного вклада на вложенные суммы выплачивалась ставка «либор», равная 4%. А срок окончания вклада истекал в 2013 году.

После нескольких пустых страниц, куда автор явно хотел вписать другие сведения по данной теме, записи возобновились.

Несколько отрывочных фрагментов были посвящены первичным исследованиям найденных останков убиенной семьи последнего российского императора. По материалам белогвардейских, а затем и революционных следователей, кем-то был сделан вывод о предвзятости следственных групп и подтасовке доказательств. Затем был достаточно обширный материал о той поспешности, с которой правительство Б. Ельцина проводило процедуру опознания и захоронения останков, на ускорении которых, якобы, настаивал личный представитель российского президента Б. Немцов, который и возглавил всё это «действие».

И последней была справка, привлекавшая внимание Матвея тем, что ему пока не приходилась встречать подобную версию развития событий.

Автор, чьи слова аккуратно законспектировал Митин папа, писал о том, что перед подписанием Брестского мира, немецкая сторона потребовала присутствия при подписании и самой подписи при свидетелях российского императора Николая Второго. И Ленин, якобы, распорядился вернуть императора и его семью в Петроград. Автор утверждает, что императорскую семью фактически спас Сталин, противодействуя «еврейскому ядру партии». По этой версии, он приставил к Императору и его

окружению свою охрану, а все члены императорской семьи были (с согласия Ленина) отправлены в разные уголки России, в основном, в сохранившиеся монастыри, и умерли уже в 80 – 90 года прошлого века.

Главное, что утверждал автор документа, это то, что Патриархи РПЦ с 1918 года знали об этом.

Началось...

Так и не поев приготовленного Митей мяса, подгорелый запах которого начисто уничтожал любой аппетит, Матвей попрощался с хакером, аккуратно вернув тому тетрадь, все страницы которой перед этим успел снять на свой телефон.

Уже выйдя из квартиры на лестничную площадку и читая не высказанный вопрос в глазах своего молодого партнера, Матвей счел безопасным спросить.

- А что, друг мой Дмитрий, правда ли, что твой папа увлекается вопросами русской истории?

Митя замялся, было, но видя безмятежный вид своего старшего, и как он надеялся - более опытного товарища, ответил.

- Да. В последние несколько лет он активно изучает историю дома Романовых. Он даже завел связи в московском представительстве Императорского общества, в дворянском

собрании, в московском казачьем союзе и еще в ряде исторических обществ. Кстати, из своей так называемой «чёрной» кассы он именно им давал какие-то деньги...

- А чем вызван такой интерес? Колись, Митя, вы с папой, случайно, не из российских ли аристократов? Твоя-то фамилия, как указано в твоём паспорте – Цыбин. Дмитрий Цыбин. Я это знаю, потому что с документами твоими по медицинским учреждениям вместе ездили. А с отцом твоим незнаком. Вы не из недострелянных или эмигрировавших императорских родственничков будете? А то я так запросто, без доклада и реверансов...

- Папина фамилия – Царев. Громкая, но не дворянская. Он как-то говорил, что его предки были из царских крепостных, «царёвы люди», откуда и фамилия пошла. После их развода и внезапной смерти моей мамы, я взял её фамилию. И насколько я знаю, её деды были разночинцами. А здесь отец говорил про какую-то историческую несправедливость, украденные деньги российского государства. И еще... Он же реально в Бога верует, папаша мой, в церковь ходит, посты соблюдает. Даже духовный отец у него есть, какой-то отец Серафим в Троицкой лавре. Так вот, в последнее время он всё чаще говорил о какой-то ошибке в причислении останков последнего русского царя и его семьи к категории «святых» или каких-то там великомучеников...

- Стратотерпцев... - машинально поправил его Матвей.

-Да, да, терпил этих самых. Так и отец говорит. Он даже деньги давал на какие-то исследования этих останков. И письма он со своими сторонниками писали в высшие церковные инстанции... Я, если надо, поищу. Может быть, у меня сохранились копии. Я потом передам. Вы успели просмотреть папины.... Ну, как? – с надеждой глядя на Матвея, спросил Митя.

- Будем думать, - стараясь придать основательности своему голосу, ответил Матвей.

Выйдя на улицу и наслаждаясь свежим воздухом, он достал телефон и собирался уже вызывать такси, как в отражении телефонного экрана увидел приближающуюся к нему со спины темную фигуру с занесённой рукой. Тело среагировало автоматически, даже не спросив мозг. Шаг вправо, а свободной левой рукой - правая же была занята телефоном – короткий удар в шею злодея, где воротничок тенниски почти упирался в мощный подбородок. Когда – то поставленный удар сработал (мастерство, его не про...ешь!), и преследователь прилёг на еще не весь растаявший снег. Зажатая в его правой руке резиновая дубинка свидетельствовала о том, что возмездие было справедливым.

Время было обеденным, и во дворе дома и на его обычно многолюдной детской площадке никого не было. Старые и малые ушли принимать пищу и поспать, как и полагается нормальным людям.

Ну, а не совсем нормальные... Матвей оттащил откормленное тело подальше в кусты, еще одним ударом по затылку обездвигив начавшего, было, подавать признаки жизни потенциального агрессора. Мародерство – не самое приятное дело, но ситуация обязывает! Паспорта не было, водительское удостоверение и права пересняты на телефон и уложены в карман собственной куртки, к найденным ключам от машины. Резиновую дубинку, не трогая, Матвей оставил в руке нападавшего - чтобы полиция, если вдруг захочет, смогла делом заняться.

Машина, потрепанная Нексия, стояла на гостевой стоянке под знаком – «Только для инвалидов». «Вот он и промысел божий!» - подумал Матвей и сел в машину. Освободив незаконно занятое место, он благополучно доехал до своего района, съэкономив на такси. Старушку Нексию припарковал на стоянке у опорного пункта милиции, посчитав, что само название учреждения (но отнюдь не его обитатели) произведет должное впечатление на тех, кто придет за своим имуществом. Документы оставил в машине, забрав ключ

себе. Опыт подсказывал, что хозяин ключей скоро объявится. И опыт опять не обманул!

Звонок раздался через полчаса после того, как Матвей зашел в свою квартиру и только успел перекинуть на компьютер сделанные за день записи, стерев их из памяти телефона. Который, как известно, органично аккумулирует в себе еще и функцию негласного передатчика информации.

- Машину и документы верни! – прохрипел в трубку незнакомый голос. Ни тебе – «Здравствуйте! Туда ли я попал! Не отвлекаю ли?» Нда, потерянное поколение...

- Привет хулиганам! Горлышко не болит?

- С....! Отдай тачку и ксиву!

- Да отдам тебе всё. Зачем мне это ржавое железо и липовые документы?

- Сам ты ржавый и липовый! Где и когда? И не дури, со мной пацаны...

- Если пацаны, то сейчас вызываю ОМОН и следователя. Тебе оно надо? Только один на один, и только поговорить!

После почти минутной паузы.

- Ладно, уговорил.

Матвей назначил встречу у опорного пункта, и придя в назначенное время, увидел лазающего вокруг Нексии незадачливого агрессора, явно выискивающего на выдавшем виды корпусе автомашины следы многочисленных аварий. И точно! Не успел Матвей и рта открыть, как хозяин Нексии радостно завопил.

- Ну ты попал! Где ты её так покоцал? Новяк совсем была! Муха не сидела! Вот царапина свежая, бампер еле держится, стекло треснуло...

- И ржавое крыло тоже я? – Матвей открыто улыбался, - давай вот ребят из пункта правопорядка вызовем, составим протокол. Ты, кстати, расскажешь, при каких обстоятельствах мы познакомились. Я покажу запись с камеры видеонаблюдения у дома.

Матвей блефовал. Никакой записи у него не было. Но камера там была, он это точно помнил.

«Агрессор» сдулся на глазах. Заискивающе улыбаясь, он уже миролюбиво попросил вернуть ему ключи и документы. Но Матвей уже «раскусил» его, понял сущность этого человечка.

«Да ты просто завербованная шестёрка! На разовом задании!»

- Ладно, шкурник! С тобой всё ясно. Давай поговорим. Добром не захочешь – либо я сейчас нос и рёбра тебе сломаю, либо ребят знакомых из пункта позову (опять блеф! Так записным лжецом станешь, Матвей! Впрочем, что значит – станешь? А кем ты свою недолгую жизнь был? Сейчас не о жене или Родине!!). А ребята за сто американских рублей и тебя, и ржавое корыто твое так отрихтуют!

«Агрессор» сник окончательно.

- Спрашивай! А про сто американских рублей ты просто так сказал? Я, если что....

- Может и заработаешь, если врать не будешь. И так, кто тебя нанял на меня напасть? Что должен был сделать? Убить, изувечить, обокрасть или самого украсть?

- Ну ты даешь, земля. Что я, на голову ушибленный, статьи на себя вешать? Он сказал – оглушить, обшманать, забрать телефон, фотик, если есть, и все бумаги, какие на теле найду.

- Кто – он?

- Не знаю. Я в тех домах в котельной работаю. Накануне вечером во дворе сидел, бухал, думал, где деньги взять. Он и

подвалил... Обещал пять штук деревянных, давал тысячу авансом. Показал твою фотку, рассказал, во сколько и откуда завтра выйдешь. А в тот день он точно видел, как ты меня отоварил. Сразу подошел, растолкал меня. Денег больше не дал, а за первую тысячу еще и по морде съездил. Не сильно, не как ты. Слабак, ботаник, если бы не деньги, я бы его... Но за тысячу можно и стерпеть. Тем более, никто из жильцов и моих корешей не видел.

- Как выглядел?

- Я же говорю – ботаник. Худой, в очёчках. Картавит смешно... Шмотки, правда, фирменные. Я в этом разбираюсь. В бутике в охране работал. Там костюмы были за штуку баксов, прикинь...

- Стоп. Вы еще увидите?

- Нет. Новую встречу не забивали, хотя деньги нужны. Слушай, если тебе что надо...

- Если он проявится, позвони. Кстати, где ты мой номер взял? Он дал?

- Ну да. Ты и сам всё знаешь... Я пока во дворе в себя приходил, ботаник зашел в тот же подъезд, где ты был, и принёс мне номер твоего мобильного.

- Ладно, бывай. Вот тебе ключи от твоей тачки. Документы – в машине.

- А деньги? Говорил про сто американских рублей...

- Не заработал. Вот тебе «пятихатка» на бензин как оплата твоей производственной горловой травмы. Позвонишь, когда ботаника своего увидишь, еще дам. И тихо тут! Вон ребята мои из пункта выходят. Позвать?

Из дверей оплота правопорядка вышла шумная группа людей в форме, громко обсуждающих, к кому из курируемых ими хозяев харчевен пойдут завершать день. Увидев такое количество погон в непосредственной близости от себя, хозяин Нексии быстро юркнул

в кабину и тихо-тихо, отчаянно гроыхая и стреляя «убитым» движком, выехал на улицу.

Сказать, что для Матвея ситуация прояснилась, значит не сказать ничего. Или опять соврать. К тому же темнело, собирался дождь, и думать не хотелось. Совсем.

Спасибо вам, ирландцы! В вашей великой, но страшной, как у всех коренных народов, истории было всё. И удачные набеги на соседний остров нынешних англичан, и принятое потом от них рабство, и массовый вывоз в качестве рабов на хлопковые плантации Вест – Индии и пролитая в двухвековой войне с англичанами кровь. Потому и негров так генетически ненавидите – одну работу делали под английским бичом. Но негры то – черные, а ирландцы с рождения – белые! Ну чуть рыжие... Обидно, да...

Вы всё стерпели, проглотив обиды и не утратив качества вашего чудного виски.

И когда смакуешь это чудо винокуренного искусства, вспоминаешь не вашу историю (а многие ценители ирландского виски совсем не интересуются ирландской историей...), а чудную изумрудно-зеленую страну, где пасутся тысячи овец и цветут хмель и солод.

А как хорошо после этого спится! И голова не болит от дурацких мыслей о человеческой суете и тщеславии. Если не очень долго и много думал, вкушая чудный напиток.

На следующий день, проснувшись в прекрасном расположении духа и еще раз мысленно поблагодарив ирландцев за качество напитка (что значит - вовремя остановиться!), Матвей сделал то, что обычно делал перед сном. Он проанализировал всё, произошедшее с ним накануне, дал оценку своему поведению и наметил следующие шаги. Ясно было одно – Мите, вернее, его отцу надо было помочь. Вопрос – в чём? Версии пока не просматривалось.

Второе – сам Митя, любезный его партнер и хороший, по сути своей, человек, вчера фактически «сдал» его, Матвея, сообщив нанимателю незадачливого грабителя номер его телефона, и не известно – какие еще данные. Очевидно только, что и квартира Мити, и сам он известны злодеям. А с учетом физического состояния «великого хакера», он весьма уязвим. Что еще больше укрепляет желание помочь.

Третье – на обычный «наезд по бизнесу» вся эта враждебная деятельность вокруг фирмы и самого Митинога отца (здесь Матвей поймал себя на мысли о том, что даже не знает его имени - отчества, а лишь фамилию - Царев. Да, еще вспомнил, что отчество у Мити – Николаевич, значит папа его - Николай Царев. Звучит гордо!) не очень – то похожа. «Какая-то «чёрная касса», детский сад, а не грызня акул капитализма!».

Пропажа заместителя, написавшего перед своим исчезновением разоблачительное письмо...В этом что-то есть, можно позаниматься.

Но при чем здесь все эти исторические экскурсы про золото российских императоров и судьбу семьи Николая Второго!

За всеми этими раздумьями за своим рабочим столом, сопровождаемыми автоматическим черчением кружков с инициалами, квадратиков со стрелками и смысловыми знаками препинания, среди которых явно большинство принадлежало знакам вопроса, прошло несколько часов. Есть, а уж тем более – готовить еду, совсем не хотелось, и Матвей решил пройтись вечером по парку, зная, насколько для него эффективно «думание под мерное шагание». А если еще кружечку прохладного пенистого, да под сочно–прожаристый чебурек...

В ожидании момента, когда особо щедрое в этот весенний день московское солнышко чуть поумерит свой пыл, Матвей отложил в сторону изрисованный лист, включил компьютер и посвятил немного времени рассылке полученных им материалов

по своим знакомым. Учитывая специфику их исторических пристрастий, служебного или общественного положения, а также уровень своего доверия их компетентности, он разложил материалы на разные папки. Их оказалось всего две – непосредственно про золото Александра и Николая Вторых и про судьбу последнего российского императора.

Матвей не ожидал скорого ответа и был удивлен, получив через несколько минут два ответа. По первой, «золотой», папке ему ответил его коллега по прежней службе, занимающий пост советника в околобанковской структуре. Второй ответ – по папке о судьбе императорской семьи - был от уважаемого Матвеем богослова и старообрядца Мусина – Залесского, «богатую» фамилию которого и не менее значимые имя и отчество – Аполлинарий Иннокентьевич, наш герой упростил до удобного в общении – «профессор», благо это звание числилось в огромном списке других его научных регалий.

Текст обоих посланий, несмотря на явное различие их авторов, был схож. Отметив интересность темы, «столпы исторической мысли» приглашали Матвея встретиться «лично, через несколько дней, необходимых для того, чтобы детально ознакомиться с сутью вопроса».

Написавшая за деда – профессора его внука, Мария, сделала от себя одну приписку – «Плюшки...», что исключало возможность отказа от общения за уютным домашним столом.

Итак, начать следовало с Мити, который на данный момент представлялся Матвею центром складывающегося ребуса. Весь спектр возможных шпионских напастей, которые рисовало богатое воображение нашего героя, а именно – прослушка в Митином доме, засада у подъезда или даже в самой квартире, возможное сотрудничество самого Мити со злодеями, не важно, добровольное или под давлением, делало нежелательным визит Матвея к своему

компаньону. Также отпадала и назначаемая по телефону, электронной (или голубиной) почте встреча в городе.

После напряженной мозговой атаки Матвей вспомнил, что сам же рекомендовал Мите знакомого мастера экстремального вождения, поскольку «колясочник» хотел освоить вождение своего автомобиля с учетом своего не совсем мобильного состояния. Речь шла о зимней езде, вождении по пересеченной местности и относительно бездорожью. Матвей вспомнил, что его младший товарищ неоднократно благодарил за такую возможность и старался не пропускать тренировки.

Звонок автотренеру, и Матвей узнал время и место завтрашней тренировки, на которую Митя обещал «точно» подъехать. Полигоном на этот раз был заброшенный песчаный карьер недалеко от города, который нерадивые (или незаконные) старатели бросили, не дорыв пары сотен метров до рекорда сверхглубокой Кольской скважины, к величайшей радости мото-, вело- и прочих моторных экстремалов. Получив подтверждение о прибытии своего партнера и дав тому час на наслаждение ездой по бездорожью, Матвей прибыл на место, предварительно убедившись, что подозрительных посторонних на месте нет. Группа измазанных грязью байкеров, которым казалось, что они совершают чудеса мотоэкстрима, могла заинтересовать разве что психиатров или травматологов. Дождавшись, когда не столь грязный Митин автомобиль остановится, а тактичный тренер выйдет из кабины, его место занял Матвей. Отняв у оторопевшего Мити телефон и плеер, Матвей демонстративно разрядил их и начал допрос.

- Кому и зачем ты «сдал» номер моего телефона в тот день, когда я приезжал?

Митя, и так не очень храбрый малый – а какие из хакеров бойцы? Они же ничего не боятся только в играх, где у них по несколько жизней... Страшно подумать, как они страну будут

защищать, если не дай Бог! – сильно испугался. Зрачки расширились, и пот мелкими бисеринками потёк из-под щегольской банданы.

- Матвей, простите! Я хотел позвонить, но он сказал, что они слушают мой телефон, знают о том, что я просил вас помочь в ситуации с отцом. Он категорически запретил мне общаться с вами по этому вопросу!

- Кто – «он»? И кто – «они»? Почему они командуют тобой?

- Я их не знаю. Но у них моя Таня... И они обещали её изувечить. А ей после той травмы и всех усилий по восстановлению... Да и отцу пригрозили, вплоть до физического... устранения. А у меня больше никого нет. В общем я согласился. Думайте, что хотите, но это мой выбор!

Поняв, что может окончательно вычеркивать Митю из своих помощников (а может и партнеров?), Матвей не собирался бросать дело, за которое толком еще и не взялся. Но уж больно не любил он, когда им так грубо помыкали и командовали. Может, потому и ушел он в своё время с государевой службы. Много их было, государевых представителей, со своими шкурными интересами...

- Хорошо, Митя. Успокойся! Я всё понял и не буду лезть в твою жизнь. Сам принял решение, сам будешь за него отвечать. Мы с тобой не встречались. И не будем. Всего несколько вопросов, и ты – свободен, как те миллионы белых американцев, живущих в рабстве у своих же чёрных!

Итак – чего хотел добиться твой отец своими историческими изысканиями в деле российских императоров?

- Ничего особенного. По поводу золота Императоров Александра и Николая Вторых, попавшего в руки Ротшильдам, он просто хотел, как он говорил, добиться «исторической справедливости», и возвращения золота наследникам императорского дома.

- А его интерес в чём?

- Не знаю. Так глубоко мы с ним не копали. Он намекал, что изъятие российского золота обрушит банковскую систему нелюбимых им США и Запада. Отсюда же и его интерес к судьбе потомков Романовых, в том числе к судьбе семьи последнего российского императора. Папа считает, что, получив деньги при активной поддержке сторонников из России, наследники Романовых, из чувства благодарности, передадут часть средств России или вложат их в развитие нашей страны. Его мечта – создать для этого специальный фонд.

Он активно ищет единомышленников, жалуется, что официальные лица не хотят его слушать. Знаю только, что он давал деньги на проведение дополнительной экспертизы останков, официально признанных подлинными.

- И каковы практические результаты всех этих усилий?

- Никаких, - печально констатировал Митя.

Домой Матвей вернулся не в лучшем расположении духа, что не прошло незамеченным в их дворе. «Бедолага, мучается один! Семья-то за городом. Ни поесть толком, ни поругаться...» - шептали сидевшие на лавочке представительницы старшего, всё знающего и понимающего поколения. Вежливо с ними поздоровавшись, Матвей вспомнил, как подрастающее поколение их дома, уставшее от вечного надзора и советов, выкрало эту скамейку и унесло её в неблизкий двор на другой стороне широкой и оживленной улицы. И вот тогда-то и всплыли неиссякаемые запасы жизненных сил дворовых бабушек. За один день скамейка была обнаружена разосланными по всему району разведывательными группами и собственноручно водворена ими на своё место. За купленную в старческую складчину бутылку водки рабочие из местного «чего-то там управления» вцементировали скамейку в асфальт, подняв тем самым авторитет бабушек на недосыгаемую высоту.

Положительным же моментом для законопослушных жильцов этого подъезда стал практически круглосуточный «мониторинг» придомового пространства и «приподъездной» зоны всё теми же бабушками. Зная на собственном опыте зашкаливающий уровень креативности и дурной энергии подрастающего поколения, те установили порядок бдения из домашних окон за «своей» лавочкой, ну а заодно – и за всем происходящим во дворе. И тем для обсуждения у них прибавилось, и вопрос о приобретении жильцами камеры слежения отпал сам собой. При чем, вот какую особенность обнаружили жильцы – против установки камеры слежения выступили сами бабушки, прежде ратовавшие за техническое «недремлющее око». И не из-за страшного для их нищенской пенсии слова «скидываться», а просто не хотели они терять свою значимость и оставшееся общее дело! Ну, не понять этих мудрейших дам, как и в вопросе вакцинации, - то государство о них не заботится, «развалив всю систему здравоохранения», то не хотят они делать бесплатную прививку...

На следующий день у Матвея была назначена встреча с его знакомым из околобанковских кругов. Не захотев идти в утратившие из-за противоэпидимических мер свою привлекательность харчевни, они решили вспомнить молодость. Купив по паре бутылок пива и по пакетику орешков, они сели на уютную скамейку в городском сквере. Обычно безлюдный в это время суток, сквер удивил их моментально появившимся полицейским патрулем и парой особо рьяных «общественных инспекторов».

Всем им были с гордостью предъявлены безалкогольные этикетки бутылок. Полицейские, поняв бесперспективность получить штраф «за распитие» на месте, с такой же гордостью удалились. Общественники же пытались, в духе вечно недовольной московской интеллигенции, вступить в дискуссию – «А этично ли это пить из пивных бутылок на виду у подрастающего поколения?»

Ваше поведение провоцирует... А, вот мы вас сфотографируем и вывесим фотографии в Сети...».

Матвей просто и доходчиво рассказал «общественникам», какие физические действия над ними он готов совершить и куда засунет их «фотики». Не помогло. «Общественники» спрятали, на всякий случай, свои телефоны и обозвали Матвея «сатрапом и псом режима». Но бежать в разные стороны привычно приготовились.

Более опытный коллега Матвея спокойно произнес только одно слово.

- Засужу.

И этого хватило. Больше их не беспокоили.

Сделав по первому, самому вкусному глотку, и обменявшись дежурными улыбками на тему погоды, эпидемии, международного положения и общей нестабильности, перешли к делу.

- Опять тебя, Матвей заносит в явную западню. От слова – Запад. Золото российских императоров... Да этой темой кто только не занимался. Предистория в переданном мне материале изложена, в целом, правильно. Это давно известно и даже подкреплено документами. Кремль имеет одну или даже несколько копий тех самых документов, в свое время спрятанных в банках Европы мамой последнего российского императора. Их еще при Сталине наша разведка стала добывать и пересылать в Москву. Здесь вывод может быть сделан только один – золото передавалось ЛИЧНО Александром и Николаем, как физическими лицами. Ни СССР, ни теперь Россия, никакого отношения к этому золоту не имеют. Прямых наследников нет, а затевать судебный процесс против Ротшильдов, а значит, против всей банковской системы Запада... Ты представляешь себе уровень затрат и рисков? Даже в ответ на все их санкции и шипение в наш адрес. Мы будем, как та унтер-офицерская вдова, что сама себя высекла...

Ты прямо скажи, в чем твой интерес? Насколько знаю, тебя к прямым отпрыскам Романовых отнести нельзя. Или можно?!

- Нет. Точно нельзя. Из казаков мы. А тема всплыла в связи...

И Матвей рассказал всё, что знал о наездах на Митинога отца, который активно интересовался темой императорского золота.

- И ты, мой многоопытный друг, всерьез думаешь, что Царь этой банковской горы Ротшильд решил вот так, мелко, мстить какому-то русскому автоперевозчику за попытку влезть в свой карман? Даже не смешно! Давай, попробуй еще. Вторую версию! Еще полчаса у меня есть.

- Нет другой версии.

- Ну, тогда я тебе дам еще одну конспиралогическую версию, чтобы тебе было над чем голову ломать. Может, делом займешься...

Сразу скажу, это только версия, из которых, по твоим же словам, и состоит вся история. Правду узнаем, если узнаем, лет через... много, когда всплывут документы. Если они есть, эти документы.

Так вот, старшие мальчишки рассказывают, что некоторое время назад был основан и сейчас активно действует некий Совет по инклюзивному капитализму, состоящий из 27 так называемых «хранителей», представляющих 27 крупнейших транснациональных корпораций. Совет, якобы, создан некой Линн Форестер де Ротшильд (фамилия знакома?). По её инициативе, в состав хранителей, то есть управляющего органа, входит и Папа. Тот, что Римский. Со своим банком и прочими неслабыми активами.

В этом совете есть, как считают, две группировки.

Первая – это англосаксы и евреи, представленные, в основном, семействами Ротшильдов и Рокфеллеров. Как ты, мой

многообразованный друг, должен знать, эти две всегда враждовавшие семейки «слились в дружеских объятьях» еще в 19 веке. Подружил их, по одной из версий, тогдашний президент США Теодор Рузвельт, предложивший главам этих семей, зашедших к нему на чашечку виски, совместно пострелять по специально поставленному для этого в тир портрету российского императора Николая Второго. Ведь именно Рузвельт закрепил в умах и официальных документах американцев тезис о том, что Россия является постоянным врагом США. Ротшильды и Рокфеллеры с удовольствием восприняли этот тезис как основу прекращения своей вражды. Как там говаривала незабвенная Ф.Раневская – «против кого дружим?»

Вторая группы в Совете – это так называемые гвельтские аристократы, то есть представители старинных торговых, банковских и промышленных кругов севера Италии, юга Франции и Лихтенштейна. Вот именно эту группу и возглавляет Папа. Роль Папы, как политического лидера Запада, подтвердил - кто бы, ты думал? – Михаил Сергеевич Горбачев! Сдавая Советский Союз, Горбачев сначала встретился и согласовал всё с Папой, а уж потом провёл беседу с Бушем – старшим. На Мальте это было. Если память не изменяет, в 1989 году.

И именно Папе Римскому, как утверждают старшие мальчишки, и принадлежит ставшая доминирующей в Совете идея оформить и запустить в работу новые «мировое правительство и мировую религию», целью которых будет изменение мира, его нынешней политико – производственной формации. Считают, что капитализм изжил себя и должен уйти, со своими правилами, законами и политической системой. Капитализм должна сменить «чистая власть капитала» и прямое управление человечеством людьми, обладающими этим капиталом. По сути, как говорят эксперты, это модель нынешнего Китая, только более жесткая. Но условие сокращения населения Земли сохраняется. Сейчас фигурирует цифра в 2 миллиарда человек.

И именно этот Совет и руководит всем, происходящим на нашей планете, несмотря на потуги нынешних государств померяться своими... достоинствами. А ты тут со своим золотом и проблемами обиженного бизнесмена!

Ну, всё! Извини, пора. Спасибо за пиво, но хочется настоящего. Надеюсь, успеем еще попить до начала нового миропорядка. Или того счастливого момента, когда тебе вернут золото российских императоров! Тогда точно пиво пить со мной не захочешь...

Вечер оставался свободным, и чётко соблюдая своё жизненное правило – никогда не откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня, - Матвей напросился на домашний чай к Профессору с таким чарующим именем – Аполлинарий Инокентьевич.

Подходя к дому профессора, всё еще радуящему глаз своими старомосковскими обводами и арками окон, Матвей успел заметить краем глаза какое-то странное движение за собой, словно кто-то хотел догнать его по весенней распутице улицы, но внезапно свернул в сторону. «Уже паранойя началась. Мания преследования.» - успел подумать Матвей и отогнал от себя дурные мысли.

В плотно заставленной книгами и мерцающей лампадами квартире известного богослова и старообрядца, как всегда, пахло свежей выпечкой и ароматной чайной заваркой. Дверь отворила внучка профессора, славная не только недавно защищенной кандидатской по какому-то весьма запутанному вопросу филологии, но и своими кулинарными умениями. Крикнув в глубину квартиры – «Дед, Матвей пришел!», она умчалась на кухню. Вышедший из кабинета профессор был бодр и громогласен. Слегка вьющиеся и совершенно седые волосы на голове и в бороде делали его похожим на Санта – Клауса (наш-то Дед Мороз поосанистей будет!). Схватив Матвея за руку, он потащил того в

кухню-столовую, где от красиво накрытого стола уже веяло ароматом свежеиспеченных плюшек.

- Чайку? Или этого новомодного кофея? Маня – то моя, как в науку свою окунулась, тоже к дьявольскому зелью пристрастилась. Хорошо, что табак не смолит, хотя, как после заседания кафедры приходит, всю квартиру запахом этим сквернит. Хоть заново освящай!

Маша, чудно покрасневшая в пылу духовки, только посмеивалась. Чувствовалось, что эти два глубоко любящих друг друга человека просто играют в эту игру при постороннем.

- Ну что, Матвей. Вот и увиделись снова. И опять удивляете меня разбросом своих интересов. Надо же, на что замахнулись – на признание идентичности останков семьи последнего российского императора и проблему причисления их к лику святых. Но правильно сделали, что ко мне обратились. Мы, староверы, народ тёртый, ко всему скептически относимся, особенно к правящим классам и нынешней русской церкви. Если спросите меня, признаю ли я останки подлинными – отвечу – не знаю. Спросите, готов ли я на причисление императора Николая Второго и его семьи к лику святых, отвечу – ни в коем случае.

По первому вопросу я подготовился, полазил по источникам, с людьми кое-какими потолковал. В присланном вами, Матвей, документе об исследованиях останков, в общем, всё правильно написано, кроме версии о том, что императорская семья не была убиенна, а долго еще жила на территории России. Это – явная чушь, причем с какой-то практической целью. Кто придумал и зачем, не мне старому, рассуждать. Вы - молодые, вы и ищите. Но то, что неправда это, чувствую, да и не могла такая тайна столько лет нераскрытой остаться.

По поводу же исследований останков, вот что узнал дополнительно, - профессор достал с полки тонкую картонную

папку и, водрузив на переносицу старомодное пенсне, стал зачитывать.

- В 1991 году по инициативе английской стороны и на её деньги было создано так называемое «российско-британское партнерство по исследованию останков царской семьи». От российской науки туда включили мало кому известного антрополога Павла Иванова, следы которого так потом и не удалось отыскать. От британцев работу возглавил некто Питер Гилл, известный ученый с мировым именем.

Для детальной идентификации нужна была какая-то сложная субстанция... А, вот – митохондриальная ДНК, передающаяся только по женской линии, но сохраняющаяся у мужчин. Британцы, якобы, уговорили принца Филиппа, покойного мужа королевы Елизаветы, сдать этот анализ. Бабушка Филиппа была, как известно, сестрой Александры Федоровны, жены Николая Второго. А обе они были внучками англичкой королевы Виктории. Результаты анализов, сделанных, естественно, в Великобритании, сопоставленные с уже имеющимися у тех же английских ученых, подтвердили, что первые найденные останки принадлежат самому Николаю Второму, императрице Александре Федоровне и царственным дочерям – Анастасии, Ольге и Татьяне.

Уже в 2007 году были найдены останки предположительно царевича Алексея и цесаревны Марии. Тогда была назначена новая экспертиза. С российской стороны экспертом выступил некто Евгений Ротаев. Экспертиза, опираясь на данные первого расследования 1991 года, подтвердила подлинность останков. Вопрос вызывает лишь тот факт, что при исследовании останков Николая Александровича все его жившие на тот момент родственники отказались давать свой биологический материал. Было принято решение эксгумировать тело похороненного в Петропавловском соборе брата Николая Второго – Георгия. Его останки были отвезены на экспертизу... куда бы вы думали? В Пентагон, в лабораторию ВС США, где, на основе якобы сделанной

экспертной оценки, и была подтверждена подлинность останков цесаревича и цесаревны.

Конечно, в 2015 году, по настоянию Русской православной церкви, Следственный комитет России провел новое, теперь уже заключительное расследование, «с учетом всех имеющихся материалов» и воссозданием модели сцены расстрела. Даже прах отца Николая Второго, Александра Третьего, потревожили. И сделали окончательный вывод о том, что найденные останки – подлинные, и в Кремле захоронены подлинные Романовы.

Но осадочек, как говорится, остался...

Вопрос о канонизации семьи Николая Александровича Романова не прост. Много числят за ним грешков, от Тушинской бойни до кровавого 1905 года. Да и не был он свят при жизни. Вспомним Распутина и балерину Кшесинскую.

Я понимаю, что все эти игрища вокруг наследников царственного дома имеют под собой чисто материальные цели, но мне и моим единове́рцам это не интересно.

Что касается Русской православной церкви, то она действительно долго противилась канонизации, согласившись, в конце концов, лишь на «страстотерпцев и новомучеников». Может, чего и знают её пастыри о судьбе императорской семьи... Не зря же давил на них в вопросе признания останков константинопольский патриарх, кормящийся с руки американцев. Но это уже вопрос их совести.

Если вдруг будем голосовать за нового царя из рода Романовых, ей Богу, испорчу бюллетень!

Что-нибудь еще, Матвей? С удовольствием помогу, если смогу. С вами интересно. Думал, что многое знаю, но каждый раз вы мне такие новые горизонты открываете...

Но Матвей уже узнал то, что хотел знать – никакой новой интриги вокруг семьи Романовых нет. По крайней мере, на данный момент.

Прощаться в прихожую с Матвеем вышла только Маша (у профессора зазвонил телефон, и он, передав гостю приготовленную справку с историей экспертиз, ушёл в свой кабинет). Передавая ставший уже традиционным сверток с неимоверно вкусными плюшками, она тихо сказала.

- Я только что выносила мусорное ведро и увидела, что прямо у нашего подъезда стоит большая черная машина с затонированными стеклами. Одно окно было открыто, и я видела мужчину, рассматривающего в бинокль наши окна. Может, я излишне подозрительна, но меня это насторожило.

Берегите себя, Матвей!

Особо беречь себя было уже бесполезно, да и нечем. Матвей чувствовал тревогу только за своих знакомых, которых он, сам того не хотя, мог подвергнуть опасности.

Вернув Маше переданную ему профессором справку – «Перешлите мне её потом, на почту!», он мысленно проверил, есть ли на нём какие-либо компрометирующие предметы, как-то – оружие, яды или подрывная литература. Ничего такого не было, и Матвей, свободно вздохнув, вышел из квартиры. На лестнице никого не было, и через окошко входной двери – а в старой Москве еще остались такие двери! - он смог рассмотреть двор.

Напротив подъезда действительно стояла чёрная, устрашающих размеров, машина, «Шевроле Тахо», через приоткрытое водительское окно которой прямо на Матвея блестели стеклышки бинокля. Решительно распахнув дверь, Матвей вышел и направился прямо к «Тахе», наблюдатель из которой не успел полностью закрыть окно. Придержав закрывающееся стекло рукой, Матвей «мило улыбнулся»

сидящему на заднем сидении плечистому мужчине с невыразительным лицом.

- Ну что, соколики? За мной бдите? Да вот он я! Спрашивайте... Может, и отвечу.

Надо отдать должное – наблюдатели выдержали, как хорошие актеры, паузу и не стали «рвать» с места, забрызгивая Матвея не самой чистой водой талого московского дворика. Задняя дверь «Тахи» открылась, и сидевший там мужчина отодвинулся, освобождая место.

- Садись!

Сидевшие на передних креслах затемненного салона водитель и пассажир, всё еще пытавшийся убрать, наконец, бинокль, старательно отворачивали лица в сторону, демонстрируя полное безразличие к происходящему позади них.

Устраиваясь поудобнее на удобном кресле, Матвей заговорил первым.

- Поскольку я не являюсь вашим пленником, то имею равное с вами право задавать вопросы. Итак...

- Ну это мы сейчас исправим, - заметно картавя, произнес повернувшийся к нему пассажир с переднего сидения. «Ой, как красиво ты грассируешь! Ну, вылитый француз...» - успел подумать Матвей. Бинокль «Француз» отложил, и теперь Матвей узнал в нем одного из «общественников», подошедших к ним в сквере. Теперь в руке у «борца за общественную нравственность» был пистолет. Направив его на Матвея, он приказал водителю – «Быстро отсюда!». Но не успела «Таха» тронуться, как выезд из тесного двора ей преградил милицейский УАЗ, из которого выскочили двое служивых с автоматами.

Выведя всех из джипа, полицейские уложили лицом в мартовскую грязь «общественника», не успевшего спрятать пистолет. Всех четверых участников героического задержания и

выскочившую к ним «свидетельницу» Машу доставили на безразмерном УАЗе в отделение, где, после утомительного допроса и подписания многочисленных бумаг, их отпустили.

Машу, вызвавшую наряд на показавшиеся ей «подозрительными на похищение» действия, поблагодарили за бдительность, не став штрафовать за ложный вызов.

Пистолет «общественника» оказался зажигалкой, которой он «хотел дать прикурить». Документы у всех оказались в порядке. Матвей признал, что сам сел в машину, попросив подвезти. Выходя последним из отделения, он попросил допрашивающего их сотрудника полиции передать ему копии личных документов седоков чёрной «Тахи». Предъявленное при этом удостоверение ветерана и вложенная в него солидная банкнота облегчили выполнение этой задачи. Не заморачиваясь просьбой Матвея выслать их ему в электронном виде, сержант, радостно спрятав банкноту в карман, просто вернулся в кабинет и вынес Матвею необходимые копии, еще теплые от ксерокса. Сделано это было на виду у незадачливых и мрачных «похитителей». Проходя мимо них, Матвей тихо произнес.

- Завтра, в 19-00. Сквер, та же скамейка. Без глупостей.

Паспортные данные «злодеев» ничего Матвею не сказали. Да и «запускать» их в проверку не стоило, поскольку Матвей помнил усмешку в глазах угрожавшего ему пистолетом – зажигалкой «Француза», когда тот увидел передачу копий паспортов. Если серьезные люди, а пока их действия говорят именно об этом, наверняка, паспорта – липовые. Эта мысль была завершающей в голове Матвея, уже почти решившего бросить это непонятное дело.

Поблагодарив Машу за помощь (и еще раз пожалев, что втянул хороших людей в непонятную историю), Матвей вернулся домой. Вечером ему неожиданно позвонил его давешний знакомец с «Нексией». Радостно крича о каких-то американских

рублях, он сообщил, что утром видел во дворе своего нанимателя и даже сумел заснять его.

- Я, типа, предложил своим пацанам зафоткать их, пока трезвые. А в кадр и этого ботана поймал. Он шел в тот же подъезд и, по ходу, так и не понял, что я его тоже сфоткал. Ща, фотку высылаю. Зацени! За тобой должок...

На полученной фотографии, за спившимися мордами дружков фотографа хорошо были видны лицо и фигура сегодняшнего «Француза» с биноклем из чёрной «Тахи», уверенно входившего в подъезд Мити.

Переслав фотографу на телефон неплохую сумму (чтобы не отбить желания сотрудничать), Матвей закончил этот день обычный для себя мысленным анализом произошедшего и составлением плана на завтра. Никакой ясности о том, что происходит, у Матвея не было, и он, впервые за много лет, чувствовал некоторую растерянность, и он почти утвердился в своем намерении бросить это так толком и не начавшееся расследование...

Утром он позвонил знакомому из силового ведомства и попросил выяснить, куда из России выехал некто Петр Липницкий. Выяснилось, что люди с такой фамилией за последние полгода около двадцати раз, различными видами транспорта, пересекали границу нашей страны, но все они, судя по документам, благополучно вернулись назад. То есть, искать паспортные данные именно того Липницкого, устанавливать, куда он ездил и главное – где сейчас находится, одному Матвею было крайне затруднительно. А главное – зачем?

Смутно, но у нашего героя стало формироваться впечатление, что он участвует в каком-то фарсе, постановщик которого умело манипулирует актерами.

Актеры, актеры... А что, если начать отстраивать варианты от участников этого фарса. Кто у нас есть?

Митин папа, пока лично не появившийся на сцене. Николай Цыбин... Ничего не говорит... Что известно о нем? Правильный в целом бизнесмен. Патриотичен – гуманитарную помощь за свой счет в Донбасс возил. Увлекается историей, где его также волнует историческая справедливость. Противостояние Ротшильдам – это чушь, не стоящая внимания. Что еще мы о нем знаем? Есть сын от второго брака, Паша. Павел Шток, учащийся на экономиста в Лондоне и готовый унаследовать папин бизнес. Для ускорения событий может «подставить» папу, который к тому же стал проявлять повышенный интерес к первому сыну – Мите, фактически конкуренту Паше на папины дело и деньги.

Что же, интересная версия. Можно оставить в качестве рабочей. Кто там еще?

Заместитель и основной «ябеда» – якобы исчезнувший Петр Липницкий, подозрительно смахивающий, по косвенным признакам, на появившегося в Матвеевской жизни «Француза». С этим сложнее. Данных на него почти нет. Снова идти за дополнительными данными о папином заместителе к Мите не хотелось, да уже и опасно. И зачем? Даже если удастся его найти, живого и затаившегося где-то в нашей стране – а Матвей был почти уверен, что Липницкий никуда не уезжал, а переживает эту ситуацию где-то на родных просторах, даже не меняя документов, ничего нового и интересного он не скажет. У него красивая легенда – якобы, кто-то, кого уже не найти, пришел и под угрозами заставил написать письмо о «чёрной кассе». Криминала в этом нет. Ну, подставил приятеля! С кем не бывает. Как говорится, ничего личного, только бизнес.

Вся эта шушера – неудачные грабители, похитители и «общественники» - это просто разовые статисты, пользы от которых нет никакой. Кроме физического вреда, если им позволить его нанести.

Только если Липницкий - не тот самый Француз», что пытался «наехать» на Матвея и не скрывает свою внешность и характерный «прононс», уверенный в своих силах. Тогда дело может принять серьезный оборот, и под удар могут попасть близкие люди. Но в этом случае он должен проявиться. И Матвей должен быть к этому готов!

И кто у нас остается? Милая девушка Таня! Массажистка, геймер и зазноба отважного хакера Мити. Вот это – интересный персонаж. Внезапно появилась как раз в период обострения бед в папином бизнесе, опытный компьютерщик, что позволяло ей быть в курсе всех Митиных дел, включая папин бизнес. Под угрозой нанесения ей, якобы похищенной, новых телесных повреждений у Мити получают номер Матвеевского телефона и, возможно, его адрес.

От пришедшей в голову Матвея идеи даже жарко стало. Она ведь могла не только в Митину технику, но и самому Матвею «жучка» поставить. Когда он к ним домой заходил... Так, телефон он из рук не выпускал, сумочек, курточек и кепочек, в которые так удобно ставить маленькие булавочки-маячки, он не носит... А вот обувь! Уличную обувь, которую мы, по российской нашей привычке, оставляем, придя в гости, в прихожей, пользуясь дальше либо своими чистыми носками, либо хозяйскими тапочками. Где они, родимые?

Так и есть! Под стелькой родного всепогодного ботинка Матвей нашел металлическую таблетку, мастерски поставленную таким образом, чтобы взятый «под колпак» владелец обуви не почувствовал инородный предмет. Элемента питания в такой таблетке надолго не хватит, но выяснить маршрут ботинка в ближайшие несколько недель вполне можно.

То, что маячок поставил не Митя, Матвей был уверен. Сделать это у Матвея дома было невозможно, а больше свой ботинок без присмотра он нигде не оставлял.

Ах, Таня, Танечка... Что за игру ты играешь? Явно ведь – твоя фамилия – не Ротшильд. А кстати, как её фамилия? Вопрос...

Значит, так. Митя сказал, что Таня пришла на замену прежней массажистки. Матвей знал, какой лечебный диспансер оказывает эту услугу Мите, сам его туда неоднократно возил. Видимо, единственный путь узнать что-то про эту Таню идет через этот диспансер. Значит, завтра. Чёрт, завтра же он сам назначил встречу этим упырям. А зачем он это сделал? Ну да, других же зацепок не было, а опыт подсказывал не оставлять неотработанных концов. Ладно, тогда Таней займемся послезавтра.

«Жучок» был выброшен в мусорный контейнер на улице.

С утра, проверив, на всякий случай, остальные стельки, а заодно – верхнюю одежду, Матвей поймал себя на непривычности телефонного молчания. Обычно, за день было около десятка сообщений, как серьезных, так и шутливых, от Мити. Сегодня же телефон молчал. Митя, по всей видимости, почувствовал фактический разрыв всех отношений с Матвеем и не хотел даже напоминать о своем присутствии. Притихли даже ставшие уже привычными телефонные «молчуны», «сбрасыватели номера» и финансовые аферисты, словно учуявшие предгрозовую атмосферу.

К месту встречи Матвей, как и учили, подошел заранее, чтобы оценить возможность непредвиденных осложнений. Всё было обыденно. Он присел на скамейку напротив, наслаждаясь видом играющей в лужах ребятни. Несмотря на негодующие крики мам и бабушек, дети играли в вечную игру – «у кого сапоги выше?» и тоже явно наслаждались жизнью. К Матвею подошла одна из мам. Одной рукой она тащила санки, в другой был зажат клубок шерстяных ниток с торчащими спицами.

- Не присмотрите за санками и не подержите моё вязанье, пока я своего сорванца из лужи вытащу, - обратилась она к Матвею, ставя санки у его скамейки и протягивая ему клубок. Машинально он кивнул и протянул руку за вязаньем. В этот момент «мамаша»

сильно нажала на клубок и быстро поднесла его к матвеевскому лицу. В ничего такого не ожидавшее лицо ударила струя какого-то пахучего газа, сразу отключившая сознание Матвея.

В обрывках сознания, не до конца покинувшего нашего героя, калейдоскопом проносились гербы с двуглавыми орлами, горы золотых слитков, чьи-то знакомые и не знакомые лица.

Параллельно он различал звук сирены «Скорой помощи», лязг дверей лифта. Разбудил его сильный запах нашатыря и не столько болезненная, сколько обидная, пощечина. Сфокусировав четкость зрения, Матвей ощутил себя привязанным к массивному креслу в большой комнате. Машинально отметив высоту потолков и убранство, понял, что находится в доме старой постройки, а с учетом услышанного им лязгания лифтовых дверей – возможно, и дореволюционной. Задернутые наглухо оконные проемы не позволяли «привязать» квартиру к району. Да, впрочем, это было не важно...

Увидев, что пленник пришел в себя, сидевший напротив худощавый мужчина в черных роговых очках, приказал кому-то, стоявшему за спиной Матвея.

- Дай ему воды. После наркоза всегда хочется пить... В горле-то сушняк, как после любимого «Джемесона»? А нам с вами поговорить хочется.

С жадностью припав к поднесенной ко рту пластиковой бутылке, Матвей осушил почти половину, успев заметить, что бутылку из-за его спины подавала женская рука с явно авторским маникюром в стиле японской лаковой миниатюры.

Утолив жажду и чувствуя, как голова потихоньку проясняется, Матвей принял, как ему казалось, более непринужденную позу, показывая, что готов к разговору. Тем более, что он оценил обращение к себе на «вы» и интеллигентность манер своего тюремщика. Даже забавное грассирование собеседника уже не вызывало улыбки. Даже внутренней. И «Француз» заговорил. Он

действительно сильно картавил, что придавало его словам некую комичность.

- Мы знаем, кто вы. Кем были и чем сейчас занимаетесь. Сам представляться не буду, а то, что в ментовке сработали наши фальшивые документы, вы и сами догадались. Да, мы следили за вами. Наш "жучок" в обуви вы нашли. Хвалю за сообразительность, но он, если быть совсем уж откровенным, не был нужен. Так, проверка (что за дурацкое слово с двумя ненавистными «р»!) нашивость. Вы же знаете о способности мобильных телефонов раскрывать все тайны хозяев... Но вы не избавились от телефона! Прокольчик, сударь. Но даже если сейчас симку и даже трубку поменяете, это уже ничего не изменит.

А Митя – очень слабый и разговорчивый юноша. Да еще так романтичен... Мы знаем, что это он уговорил вас помочь его отцу выпутаться из сложной деловой ситуации. Сразу предупреждаю – не стоит. Мы знаем, что вы предпочитаете дела, связанные с интересами государства. Уважаю за верность принципам, но напоминаю – данная ситуация совершенно частная, не имеющая никакого отношения к государственной безопасности. Человек, я имею в виду Митинога отца, заигрался и засиделся на высоком денежном посту. Он уйдет с неплохим денежным парашютом и даже сможет продолжать заниматься благотворительностью в отношении своего болезного сына.

Попытайтесь влезть, только навредите всем и, возможно, даже своим близким.

Я не требую от вас немедленного решения, хотя, не скрою, вашего слова, «слова офицера!» мне было бы достаточно. А так, еще некоторое время вам придется побыть под нашим негласным присмотром. Надеемся на ваше благоразумие, тем более, что вы убедились в бесхребетности вашего партнера Мити. Еще воды?

Матвей кивнул, и та же рука с изящным маникюром поднесла недопитую им бутылку. Тайной мыслью Матвея было, выпив воды,

попроситься в туалет. Ну а там уже можно было использовать свои боевые навыки!

Но, сделав два глотка, он почувствовал, что снова засыпает. И на этот раз глубоко и без сновидений.

Проснувшись, он обнаружил, что в комнате никого не было. Пошевелив руками, с удивлением отметил, что веревки ослаблены. Освободив руки и ноги, первым делом бросился к окну и распахнул шторы. Старая велюровая тряпка держалась на паре хлипких гвоздей и, упав, обнаружила за собой пыльное треснутое стекло в покосившейся раме, за которым угадывались очертания до боли знакомого Замоскворечья и был хорошо виден двор с кучами строительного мусора. Комната, в которой проводилась беседа, была единственной в некогда огромной квартире, где усилиями «декораторов» была создана иллюзия обитаемости. Лифт – о, чудо! – работал и действительно лязгал своими железными дверцами. Дверь в подъезд была заклеена полицейской лентой. Стоявшая во дворе группа строителей в спецовках как-то недружелюбно посмотрела на вышедшего Матвея, а некто, судя по чистой куртке – прораб, хрипло спросил.

- Ну что, закончили осмотр? Можно, наконец, приступать к работе? Два дня из-за вас потеряли....

Расспрашивать рабочих было бесполезно, и Матвей уныло поплелся к дороге, вызвав по мобильнику такси.

«Красиво, черти, действительно красиво сработали! Спасибо, телефон и бумажник оставили...» - только эти мысли и сидели во всё еще гудящей голове.

Приняв дома душ и взбодрив себя чашечкой ароматного кофе, Матвей отогнал предательскую, но такую заманчивую мысль – накапать себе «за пережитый стресс» стаканчик виски и прилечь на диван, - и стал размышлять.

«Я – под колпаком, это очевидно. Контроль может осуществляться либо технически, либо физически, кем-то из окружения. Окружения, кроме неосведомленной об этом деле семьи, у меня нет. Милый юноша Митя уже не в счет... Искать микрофоны и маячки по всей квартире, в машине и на одежде – хлопотно, да и как-то унизительно. Скорее всего наладили за мной слежку. Если я её не вижу, это не значит, что её нет. Просто не вижу... Да и какая разница, пусть следят.

Если вышли на меня открыто, не пряча лица и покрашенных ногтей, значит - игры в шпиончиков закончились, и дело вступило в финальную стадию. Какая у них цель? А целей у плохих мальчишек (и, возможно, девчонок) может быть несколько.

Цель очевидная – снять российского бизнесмена с сытного бизнеса. Это понятно и вполне отвечает психологии современного мира.

Цель вторая, неочевидная, - мифический императорский золотой след. Здесь всё очень туманно. Эта история хороша лишь как ширма, прикрытие, для вполне определенной рейдерской операции.

Что делать? А это вопрос! Надо ли вообще что-то делать? Раньше хотелось помочь бедолаге Мите. Но теперь, с учетом не пацанского поведения хакера – колясочника, дела которого не так уж и плохи, вопрос о том, надо ли мне всем этим заниматься и ставить под возможный удар свою семью, встаёт очень отчетливо. Но здесь же и ответ – плохие парни показали свой профессионализм и готовность идти на крайние меры. Такие, даже получив своё, не останавливаются и продолжают «дожимать» тех фигурантов, которые проявили слабину. А это означает, что меня в покое они не оставят, а если еще они вычислили моих источников и помощников, то этот прокол полностью на мне. Однозначно, надо их наказать. Больно и унизительно. А главное – дать им ясно

понять, что знаю их, и возмездие неотвратимо. Как российское оружие «Судного дня»...

Идём дальше. Фотография моего похитителя у меня есть. Прогонять её по базам полиции только для того, чтобы убедиться в том, что это – Липницкий, бессмысленно. Он законов не нарушал, не прятал от меня лица, значит уверен в том, что я понимаю бесперспективность привлечения правоохранителей. Факт моего похищения не доказуем. Судя по наличию фальшивых документов и уверенности, с какой они себя держали с представителями правоохранительных органов, у них есть там поддержка.

Накрашенные ногти... Не Таня ли? Девочка достаточно подозрительна, резко появилась и так быстро закрепилась у Мити. Хорошо разбирается в компьютерах, имеет доступ к его железкам. Реально она поставила мне маячок в ботинок, когда я снимал обувь в их доме. Жаль, на маникюр тогда не обратил внимания. Надо было всё-таки начать с неё! Была же такая мысль...»

Вспомнив, на трезвую голову, всё, что говорил ему Митя о своей подруге, Матвей всё-таки плеснул себе в любимый хрустальный стакан любимого же ирландского напитка, оскорбив его льдом и минералкой. Усаживаясь на диван, дал себе команду – Не спать!

Последней мыслью перед сном, обрушившемся на Матвея в момент соприкосновения его головы с диванной подушкой, была ленивая мыслишка о ЗОЖ и необходимости утренней пробежки.

План действий пришел к Матвею, проспавшему до утра, во сне, среди множества химерных видений. Утром, забыв про пробежку, он приступил к исполнению.

Как и всё элементарно – гениальное, план был прост. А потому и сработал.

Прямо от дома, не скрываясь и не пытаясь специфическими приёмами выявить за собой наблюдение, Матвей доехал на своей

машине до клиники, где проходил лечение Митя и откуда, как знал Матвей, приходили к колясочнику специалисты по массажу и лечебной физкультуре. Там, открыто и громко, Матвей стал выяснять у сотрудников, где может найти массажистку Таню, которая работает с их давним пациентом, заменив в свое время заболевшую коллегу. Он всё-таки нашел в третьей или четвертой массажистке благодарную слушательницу, сильно заинтересовавшуюся не столько сбивчивыми расспросами Матвея, сколько, судя по её заблестевшим глазам, им самим.

Из её жеманного рассказа, прерываемого репликами о собственном массажном мастерстве и готовности продемонстрировать его на Матвеевом теле - «Как не болит!? Мы найдём... Надо проверяться. Почаще...» - он узнал, что раньше массаж Мите делала другая мастерица «хрящей и суставов».

Из потока слов своей новой знакомой Матвей узнал, что Таня появилась в их клинике «внезапно», нашла Митину штатную массажистку и о чем-то с той договаривалась.

- Таньку-то я давно знаю. Живем здесь рядом, вместе в школе, а потом в медицинском колледже на массажисток учились. Она еще здорово в компьютерах шарила. Слышала потом от девчонок, что Танька еще и спортом увлеклась, по горам лазила и где-то сорвалась, сильно повредила спину. Отца у нее давно не было, мама у нас в школе преподавала английский. Я её вчера у дома видела, в той же старой шубейке. Так что достаток в семье был ... сами понимаете, какой. Потом Танька, как говорили, куда-то за границу уезжала, вроде как по приглашению, но быстро вернулась и куда-то пропала. Мы и раньше с ней не дружили, а теперь и совсем дорожки наши разошлись.

Потом уж её здесь увидела. Но она сделала вид, что не узнала меня. Или действительно не узнала. Я, как многие говорят, сильно в лучшую сторону изменилась. Похорошела, постройнела, где надо – прибавила.... А вот она как была селедка, так и осталась. Чего уж

она здесь делала, не знаю... Но на временную подмену её взяли, на испытательный срок.

Замотивировав свою собеседницу обещанием позвонить «в ближайшие дни» и пригласить на серию массажа «в свой загородный дом», Матвей узнал, что после того, как Таня устроилась в клинику, прежняя Митина массажистка внезапно уехала в отпуск «куда-то на нерусское море», а потом и совсем перестала ходить к Мите, объяснив руководству, что пациент «отказался от её услуг».

- Вот его – то и отдали Таньке, по рекомендации прежней массажистки. Других желающих на этого клиента не было. Не перспективный – в плане денег и всего прочего...

Это вписывалось в сценарий, по которому работал Матвей. С трудом расставшись с открыто липнувшей к нему «специалистке по телу», Матвей устроил демонстративный разнос бедной девушке из регистратуры, пообещав найти «лжемассажистку» Татьяну через свои связи и вывести клинику на какую-то «чистую воду».

Подойдя к своей машине, запаркованной рядом со стихийной стоянкой «диких» и государственных таксистов, Матвей сделал вид, что не может найти ключи и быстро сел в ближайшее авто «таксующего» и явно некоренного москвича. Пообещав «показать дорогу» и более чем солидную оплату, он быстро и без явного «хвоста» доехал до Митино дома, выйдя у соседнего строения.

Матвей рассчитывал, что его громкая попытка найти Татьяну не останется незамеченной. Он полагал, что приставленные к нему глаза и уши зафиксируют его поиски и поставят в известность кукловодов. Те, по закону жанра, должны будут выводить девушку из-под возможного удара. Если она уже вернулась к Мите, то должна будет ускользнуть от него хотя бы на некоторое время. Если же девушку еще не вернули ее обожателю, то ей все равно надо будет «зачистить концы», и, как минимум, забрать свои вещи из дома незадачливого хакера. Какая же уважающая себя дева

уйдет в свободное плавание без своей косметички и любимой пижамной маечки!

В обоих случаях самого Митю надо будет под каким-либо благовидным предлогом выпроводить из дома. Конечно, его можно усыпить или обездвижить иным образом, но думать об этом пока не хотелось.

Заняв наблюдательный пункт на скамеечке у детской площадки, Матвей приготовился ждать. Долго ждать не пришлось. Минут через двадцать с подъездного пандуса скатился Митя. Судя по лежащему у него на коленях пустому хозяйственному рюкзаку, Таня особо не изобретала повод выпроводить своего сожителя почти на час из дома. Еще через некоторое время показалась и сама Татьяна, но уже с полным рюкзаком. Что удивительно, её рюкзак был тех же цветов, что и тот, с которым укатил Митя. «Ну да, они же вместе собирались куда-то в горы...» - машинально пронеслось в Матвеевской голове.

Не успела Таня, умело закинувшая на плечи рюкзак, сойти со ступенек подъезда, как ей в бок уперлось что-то твердое, очень похожее на ствол пистолета.

- Зашумишь, получишь пулю в живот. Смерть длительная и очень мучительная. Возвращаемся в Митину квартиру. Дёрнешься в доме, сверну шею. Кивни, если поняла и согласна, - Матвей старался звучать тихо, но зловеще.

Побледневшая Таня кивнула и молча повернувшись, вошла в дверь подъезда. И в квартиру она вошла как сомнамбула, с полузакрытыми глазами и сразу опустившимися плечами. Матвей даже поразился тому, как буквально на его глазах «похужела» и словно сдулась прежде такая энергичная девушка. И вместо того, чтобы сразу начать, как планировал, энергичный допрос, проводил девушку на кухню, где налил ей воды. Судорожно постукивая зубами о край чашки, Таня сделала несколько глотков и немного

успокоилась. Сев на стул, она скрестила руки на груди и посмотрела прямо в глаза Матвея.

- Вы!? Вы работаете на них?! Я всё сделала, как мне было сказано. Мне обещали оставить мою семью в покое! Что вы еще хотите? Только не трогайте Митю. Он здесь не при чём... Мы уедем и забудем обо всем! – в глазах девушки были слезы, а маленький красивый носик предательски распух и покраснел.

Приплыли...

Устало присев на соседний стул, Матвей достал из кармана пакетик одноразовых бумажных салфеток и протянул его Тане.

- Ты думала, что я действительно буду угрожать тебе пистолетом? Извини за «ты», но на «вы» ты еще не доросла и не заслужила. Я ни на кого не работаю, а всё еще пытаюсь спасти Митю. Сколько у нас времени до его возвращения из магазина?

- А откуда вы знаете...? Минут двадцать.

К чести девушки, она быстро соображала и приходила в себя.

- В доме ты ставила микрофоны? Где они?

- Больше их нет, я сняла оба.

- Кто – они?

- Правда, не знаю. Два месяца назад мне позвонили и сказали, что моя мама и сестра погибнут, если я не сделаю то, что мне скажут. Они сейчас в Геленджике, у родственников... Я испугалась и обещала всё сделать...

- Что требовали сделать?

- Мне передали на словах весь план действий, начиная с подкупа Митиной массажистки. Я должна была войти в доверие к Мите, поставить в доме пару микрофонов и отчитываться о выполнении каждого пункта плана, а также сообщать не реже двух раз в день прямо в эти микрофоны обо всем, что происходило.

Потом я должна была влезть в Митин компьютер и скинуть на свой жесткий диск всё, что касалось работы его отца. Я уже передала этот диск.

- Кому?

- Просто оставила, как сказали, диск в условленном месте.

- Говорили, что из материалов о Митином отце их интересует? Его транспортная контора? Какие-либо исторические поиски? Что-то, связанное с российской императорской семьей?

- Какой еще императорской семьей?! Никакой истории... Только компания, её финансы, баланс, расчеты, акционеры. У Мити на компе есть специальная папка – «Рога и копыта», где он хранит все эти документы, которые передаёт ему отец или просит что-то проверить. Вот эту папку я и скопировала.

- А сейчас, выполнив задание, просто хотела сбежать. Сколько тебе обещали?

- Я от денег отказалась. Потом... Когда мы с Митей...

- Сейчас расплачусь.

- Не верите... Но я правду говорю! Сначала обещали 5 тысяч долларов на завершение моего лечения. Они мне очень нужны... Но потом, когда у нас с Митей... короче, когда мы решили быть вместе... я отказалась от денег. Попросила только оставить в покое мою семью и нас с Митей. А вчера я всё ему рассказала. И он меня простил...

- А куда же ты сегодня с вещами бежала?

- Час назад позвонили «Они» и сказали, что к нам едет группа каких-то отморозков. Попросили отослать Митю из дома и уехать на пару дней самой, пока «Они» разберутся с ситуацией. Я хотела перехватить Митю по дороге и уехать с ним.

- Уехать куда?

- У меня есть ключи от загородного дома... подруги. Она уехала в экспедицию на пару месяцев.

- И ты серьезно думаешь, что при желании «Они» вас не найдут?

- Я же не дура. Одежду и вещи проверила на «жучков». Телефон оставила здесь. Вон, лежит на столе. У меня есть другой, разовый. То же самое сделаю с вещами Мити.

- А твои мама и сестра? Не боишься больше за них?

- А я думаю, что «Они» уже ни во мне, ни в Мите не нуждаются. Думаю, что они узнали всё, что хотели и уже ничего не опасаются. Или вы задумали еще что-то делать? Скажите, тогда я снова буду бояться ...

Быстро проговаривая этот текст, Таня стала поглядывать каким-то особо зазывным взглядом на Матвея, то опуская долу свои действительно красивые глазки, то вскидывая их на собеседника. Руками она стала кокетливо поправлять волосы, закидывая их за ушки, а то разглаживала несуществующие складки на эффектно натянувшейся маечке. Как в старой книжке про обольщение... Но маленькие ноготки не были покрыты маникюром.

Видя эти тщетные потуги произвести на него впечатление и внутренне посмеиваясь, Матвей, тем не менее, ответил девушке широчайшей улыбкой, надеясь, что ему удалось заглушить сатанинский блеск в своих глазах. Видимо, удалось, поскольку в ответ на его отвлекающую улыбку Таня удвоила попытки расположить к себе начавшего, как ей показалось, капитулировать перед её привлекательностью, мужчину. Был применен следующий арсенал трюков – одна её нога была эффектно закинута на другую, с приданием коварного изгиба лодыжке. Спина распрямилась в безуспешной попытке выпятить неотчетливую у девушки так называемую «винто-моторную группу». Даже плосковатая Танина попка эротично заёрзала по стулу...

«Ох, и хитра ты, девица. Говоришь, все микрофоны сняла. А зачем они тебе или твоим друзьям? Да и о родителях как-то спокойно... Геленджик, говоришь? Не верю, как любил повторять товарищ Станиславский!».

Не отклеивая от лица улыбку, Матвей, как бы нехотя, спросил Таню, не откроет ли она свой рюкзачок и не покажет ли ему снятые, по её словам, микрофоны.

- И всё из сумки – тоже на стол! Живо! – тут уж улыбка слетела с Матвеевского лица. Эта метаморфоза так поразила девушку, что она моментально оставила свои заигрывания и, посерев лицом и затягивая время для ответа очередным глотком воды, стала медленно выкладывать на стол содержимое рюкзачка.

- Только микрофонов... здесь нет. Я их сразу выбросила в мусоропровод... Можете там поискать...

У Матвея мелькнула мысль заставить кокетку залезть в мусорный контейнер, но он просто вырвал у неё рюкзак и высыпал на стол всё, что там было. А в маленьком рюкзаке было много чего... Матвей быстро забрал компьютерный накопитель данных, телефон и... - о, раритет! – старомодную записную книжку. Раскрыв паспорт девушки, он быстро сфотографировал несколько страниц на свой телефон. Он прекрасно понимал, что и сам паспорт может быть фальшивкой, да и едва ли эти данные ему понадобятся, но московские место выдачи документа, место рождения и адрес прописки утвердили его догадку. Едва он успел разложить все вещи по карманам, как в квартиру кто-то вошел. Вернее, въехал.

Только на пороге кухни появился Митя, с радостным лицом и полным рюкзаком продуктов, как моментально пришедшая в себя девица заверещала, срываясь на визгливые нотки.

- Вот, Митенька, твой друг... Ворвался ко мне, угрожал пистолетом, обыскал весь дом, забрал мои личные вещи!

Оторав, она сразу успокоилась, словно сдулась. «Дерзкий хакер», вцепившись в свой рюкзак побелевшими костяшками пальцев, просто молчал, глядя широко раскрытыми глазами на Матвея и беззвучно шевеля губами. Сам Матвей просто держал паузу, понимая, что сам факт того, что он заговорит, будет свидетельством его виновности.

Сцена «Любовник в шкафу» из трагедии «Муж вернулся...». Неплохо сыграно... Тот же Станиславский точно поверил бы

Первым не выдержал Митя.

- Пистолет... Зачем пистолет!? Матвей, мы же всё выяснили! Таня мне всё рассказала. Я понял её и простил. Ясно вам, Матвей! ПРОСТИЛ! И всё! Ставим точку и прекращаем это дело!

- И это дело и остальные, я с тобой, мой прежний друг, уже прекратил. Здесь я только потому, что не люблю, когда из меня делают идиота и угрожают. Никакого пистолета нет и быть не могло. Я перехватил твою подружку, когда она пыталась сбежать. Про микрофоны в доме и всю скачанную у тебя информацию она рассказала? Про Геленджик, где якобы находятся её мама и сестра, благополучно живущие в Москве? Про то, что у твоего папы хотят отобрать компанию и оставить вас нищими?

Тебя поимели, хакер...

Оставив счастливую парочку разбираться со своими чувствами, Матвей быстро вышел на улицу. Для выхода он воспользовался так называемой хозяйственной комнатой, где стоял общий контейнер для сбора мусоропроводных отходов. Матвей знал, что эта комната не закрывалась, поскольку администрации пентхауса надоело отпирать её всякий раз, когда жильцы, а чаще их дети, бросали в бак особо ценные вещи. Комната имела выход на другую сторону дома, и Матвей сумел незаметно выйти и осмотреться.

Он был почти уверен, что Татьяна сумела предупредить своих нанимателей о ситуации, и его могли поджидать у входа очередные «попутчики». Но – никого не было! Как говорят в таких случаях флотские – горизонт чист!

Решив (не без душевных колебаний) рискнуть и не забирать машину со стоянки, Матвей добрался домой на такси. Уже подъехав к подъезду и расплачиваясь с водителем, он понял всю бесполезность предпринятых им «мер безопасности» и, обругав себя, в том числе и за ненужные траты, всякими разными словами, вошел в опустевшую квартиру.

Призвав на помощь верного друга Джемесона, быстро просмотрел реквизированные у Митиной подружки вещи. Жесткий диск был, естественно, запаролен, но Матвей даже не стал жалеть о том, что у него нет больше верного друга - хакера для решения таких задач. Да, к тому же он был уверен, что на диске нет ничего криминального, кроме денежных расчетов компании Митино папы. Как её назвал сам хакер? «Рога и копыта»? Остроумно...

Старая записная книжка была заполнена почти детским подчерком городскими семизначными номерами телефонов, в основном с женскими именами. Последние несколько страниц были исписаны напутствиями и пожеланиями, коими обменивается стремительно подрастающее поколение при разлуках или отъезде из пионерских или спортивных лагерей. Названия этих лагерей и годы их посещения также были вписаны в книжицу. Были там и несколько пылких признаний в любви, которые, по всей видимости, и стали причиной сохранности блокнотика.

Но вот простенький мобильный телефончик! Несмотря на отсутствие пароля, он был полон тайн и загадок. Судя по датам звонков, телефоном пользовались два дня. В адресную книгу были внесены три имени. Естественно, Мити, с которым состоялось два разговора, и неких Петра и Павла. Прямо, апостолы! Петр звонил Тане три раза, и аж пять раз был вызван ею для разговора. Номера

были от российского оператора, и, при необходимости, могли быть локализованы. Но эта необходимость должна была быть очень острой. Как приступ аппендицита или пищевого расстройства. Чего Матвей, слава Богу, не испытывал. Со второго номера, некоего Павла, Тане был сделан только один звонок.

Делать с этими номерами «диванному Пинкертону» было нечего. Тем более, Митин номер был ему хорошо известен, и оперативного интереса не представлял. Не затевать же масштабную облаву с прослушиванием, выставлением мобильных постов и прочими атрибутами серьезной розыскной организации. Нет ни таких сил, ни возможностей. А главное – зачем? И Матвей принял самое простое решение. Он просто набрал эти номера. С этого же телефона.

Номер, обозначенный как «Петр», отозвался практически сразу же.

- Ты? Зачем звонишь?! Я же попросил залечь и не отвешивать...

Милое грассирование в слове «просил» дало прямую наводку на владельца номера. Матвея так и подмывало сказать что-либо язвительное или столь же грассирующее, в стиле известного предводителя дворянского ополчения из бессмертной «Гусарской баллады» - «Вы пгавы, милый ггаф Липницкий!» Но усилием воли сдержал себя и выключил трубку.

Второй номер – Павла был набран сразу же. Если они, эти «апостолы» были связаны друг с другом, нельзя было давать Петру время, чтобы осмыслить анонимный звонок и предупредить Павла. Хотя, о чем предупреждать? И почему лихая «засланная к Мите» девица Таня не предупредила своих знакомцев об изъятии у нее телефона? Вопросов было много. Они требовали осмысления. Но потом... А, пока - звонок.

- Ты, шустрая сестрёнка? Вот неожиданность! Что-то случилось? Погоди, у меня другая трубка. Должен ответить. Перезвоню ...

Не перезвонил.

Так, думай, Матвей, думай!

«Шустрая сестрёнка...» Где-то он уже видел эти слова. Точно, в записной книжке. Перелистав, теперь уже внимательно, тощий блокнотик, на последних страницах, исписанных пожеланиями и напутствиями, Матвей нашел то, что искал.

Угловатым, отнюдь не каллиграфическим и явно мальчишеским подчерком, было написано – «Жаль расставаться. Кажется, что нашел здесь свою сестренку. Очень шустрюю сестренку, способную понять меня. Жду новой встречи и желаю тебе найти своё счастье в этой непростой жизни».

И подпись – Павел Ш.

Время было позднее, и звонить своим полезным контактам с просьбой об определении координат нахождения этих телефонов было бесполезно. И, хотя любопытство бурлило в растревоженном сознании, Матвей принял логичное решение – отложить этот вопрос на завтра.

Скоропалительные решения надо хорошенько обдумывать и принимать на свежую голову!

Но не успела «свежая голова» погрузиться в пучину Морфея, то есть не успела сама голова пристроиться на подушке, а тело принять любимую «позу засыпания», как раздался телефонный звонок. Причем не мобильного, а городского телефона, который давно уже не использовался по прямому назначению.

Аппарат стоял в коридоре, и пока полусонный Матвей пробирался к нему по темной квартире, своими настойчивыми гудками разбудил, как казалось, весь многоквартирный дом. Ожидая услышать в трубке чарующее грассирование, Матвей был удивлен резким юношеским голосом, не признающим старобуржуазных «Алло...» и «Простите за поздний звонок...»

- Это Павел. Павел Николаевич Шток. Вы хотели поговорить со мной с Таниной трубки. Говорите!

- Во-первых, в нашей стране еще принято говорить в это время суток – «Добрый вечер!» - решил «повыпендриваться», а заодно, и встряхнуть дремоту, Матвей, - а во-вторых, какого чёрта!

- Извините, но я не могу дозвониться Тане. И Мите. Очень волнуюсь за них. Мне подсказали, что с её трубки могли звонить только вы, и дали ваш домашний телефон. Где они и что с ними?

Мозг окончательно проснулся, и Матвей понял, что звонок на городской номер был нужен для того, чтобы не сработала едва ли установленная на бесполезном уже аппарате система распознавания номеров.

- Павел, не горячитесь! Я видел Дмитрия и Татьяну несколько часов назад. Они были в порядке и, по-моему, собирались куда-то на несколько дней отдохнуть. Куда – не знаю. Знаю лишь, что они хотели полного одиночества и потому решили не брать свои телефоны и компьютеры. Считаю, это – правильное решение в нашей сумасшедшей жизни.

- Но мне они очень нужны! Я должен многое им рассказать! Я специально прилетел в Москву на пару дней. Я...

- Хотите об этом поговорить? Я готов. Жду вас у себя. Адрес, надеюсь, знаете.

- Хорошо. Буду через час.

Едва Матвей успел навести видимый порядок в квартире и даже подготовить к работе кофемашину, как сработал звонок домофона. Это «детище цивилизации» в их доме не было оборудовано видеокамерой, и Матвей просто впустил раннего гостя в подъезд, открыв сразу и входные двери в квартиру. Сам направился на кухню, где, по заведенной в нашей стране традиции, собирался поговорить за чашкой кофе с Павлом Штоком, сводным

братом своего бывшего приятеля и делового партнера Мити Цыбина.

Не успел он расставить на столе всю положенную к кофе атрибутику, как услышал шарканье в коридоре нескольких пар ног. Варианты наличия у молодого Штока охраны либо нескольких дополнительных ног (для устойчивого хождения по родной земле) были отмечены сразу же. Хвататься за ножи, богатый и всегда наточенный арсенал которых находился под рукой, было бы уморительно. И Матвей, как самодостаточный и уверенный в себе мужчина, решил не суетиться, возлагая определенные боевые надежды на чашку обжигающе-горячего кофе, которую он держал в руках.

- Павел и все, кто с ним! С добрым утром! Проходите на кухню. Можно не разуваться... - не оборачиваясь, по возможности весело, произнес Матвей, спина которого, по памяти прошлого, покрылась мурашками.

- Спасибо за приглашение. И газуваться не будем, несмотря на госсийские традиции, наши чистые носки и отсутствие у вас такого количества гостевых тапок. И можете повегнуться. Бояться не надо – огузия у нас нет – голос господина Липницкого был чарующе приятен, хотя и не располагал к доверию.

Матвей медленно повернулся и осторожно поставил горячую чашку на стол. Рядом с Липницким, встречи с которым как-то участились в последнее время, стояла и привлекала несомненное внимание холеная, утонченно-изящная блондинка возраста «40 (50) плюс», над лицом, фигурой и облачением которой прибыльно для себя поработали стилисты и дизайнеры. В своих длинных, тонких пальцах, ногти которых украшала авторская роспись в японском стиле, она держала неожиданный для её облика кейс. Уже устаревающий в наше время этот деловой чемоданчик – портфель, ведущий свою популярность во всем мире с классических фильмов про Агента 007, почему-то вызвал у Матвея

ассоциации с аккуратно уложенными внутри пачками денег. Быстро прикинув в уме потенциальную сумму в трех валютах и машинально отдав предпочтение евро в пятисотенных купюрах, Матвей с неким опозданием заметил, что из-за спин занявших весь узкий кухонный проход Липы и его спутницы, показалась ничем не примечательная физиономия молодого человека, явно растерянного и пытавшегося обратить на себя внимание. Лишь когда Липницкий и «Гейша», как её тут же окрестил Матвей, прошли в помещение кухни, стало ясно, что руки молодого художавого человека были заведены назад, где их держал верзила с таким невыразительным лицом, что его вероятный фотопортрет состоял был из чистого овала с пририсованными ушами. Уши, правда, выразительно торчали, что и позволило Матвею опознать в верзиле одного из «общественников» в парке и пассажиров черного джипа.

Войдя в кухню, молодой человек безуспешно попытался вырваться.

- Извините... Это не я... Они меня...

Понимая, что после напряженных лет учебы в Лондоне молодому человеку сложно формулировать свои мысли на русском языке, Матвей особо и не обратил на него внимания, продолжая с любопытством разглядывать «Гейшу». А той, видимо, это понравилось, судя по тому, что она поменяла позу, выставив вперед в каком-то балетном полусгибе правую ногу и поправив кокетливым жестом прядь волос.

Потом, быстро придя в себя, она заговорила сухим отрывистым тоном, который явно контрастировал с её утонченным обликом.

- Попрошу всех сесть. Вольдемар, ты останься с Павликом в коридоре, а то здесь все не помещаются. Держи его и следи за ним. А то натворит глупостей наследничек наш... Пётр, ты сиди и молчи, а то твой французский прононс не позволяет воспринимать

тебя всерьёз! Матвей, вы пейте свой кофе. Остынет, а судя по запаху, напиток достоин внимания. Нам предлагать кофе не надо. Да, судя по всему, вы и не предполагали этого делать...

Раздав указания, которые, как ни странно, были выполнены (Если пристав говорит – садитесь! – как-то неудобно стоять...), «Гейша» отодвинула стул от стола и элегантно села на него напротив Матвея. Кейс она поставила на пол, изящно скрестив ноги рядом.

- Итак, Матвей. Я буду звать вас так, без отчества, которого все равно не знаю. Да и незачем. Ибо полагаю, что эта встреча будет завершающей в наших отношениях. Можете сегодня звать меня Илонна. Я – Илонна Александровна Шток, супруга небезызвестного вам Николая Царева, отца моего непутевого сыночка Павлика и вашего приятеля Дмитрия Цыбина. Да – да, несмотря на свои уникальные компьютерные мозги, этот калека поменял фамилию отца на неблагозвучную фамилию матери. Цыбин... Фи...

Господина Липницкого, полагаю, вы знаете. У него много имен и титулов («Ну да – успел подумать Матвей – он же Петр, он же «Липа», он же «Француз»). Но вы не знаете еще одного. Липницкий, как решило вчера собрание акционеров компании является её генеральным директором.

- Но не владельцем контрольного пакета акций? – Матвей допил кофе и, демонстрируя свое положение свободного хозяина квартиры, встал из-за стола, вымыл чашку в раковине и поставил ее на полку.

- Нет, не владелец. Вы сразу увидели суть проблемы, Матвей. Вам не откажешь в сообразительности... Вы предвосхитили моё к вам предложение. Но я все равно продолжу свою мысль.

По тому, как сбился ритм речи «Гейши», или, как выяснилось, Илонны Александровны Шток, появились паузы в её речи и заметались зрачки глаз за чуть задымленными стеклами пижонских очков, Матвей понял, что она заучила и неоднократно

репетировала свою речь, но он сбил её своим явно неожиданным вопросом. Но добивать окончательно её «незыблемую женскую логику» было не интересно, да и не нужно.

И Матвей сдержался. Хотя и подмывало...

- Итак, Матвей, следите за ходом моей мысли. Дело о смещении с поста руководителя компании моего супруга, Николая Царева, является сугубо бизнес-проектом и нашим семейным делом. Как вам уже говорил господин Липницкий, оно не имеет никакого отношения к национальным интересам и не затрагивает вашу профессиональную этику.

В своих попытках объяснить это и предостеречь вас от ненужного вмешательства мы не нарушали закон, не применяли мер физического воздействия («Ага, а попытка оглушить, похищение и опаивание снотворным...» - злорадствовал Матвей. Мысленно и тихо.)

Потому зла на нас вы таить не должны. (Щас...). Мы подошли к главному. Вчера на совете акционеров, после того как Николаю Цареву объявили о его смещении с должности генерального директора, он заявил, что, предвидя такое развитие событий, переписал свой пакет акций компании на своих сыновей – Дмитрия и Павла. Соответствующие документы были предоставлены акционерам.

И тут Матвей не сдержался.

- Насколько я понял, вы, госпожа Шток, работаете в тандеме с господином Липницким против вашего мужа? Павел, как ваш послушный сынок, будет своим вновь обретенным пакетом играть на вашей стороне? И теперь ваша задача – отнять акции у Дмитрия, чтобы он, найдя какого-нибудь опытного советника, возможно своего обиженного отца, не стал ставить вам палки в колеса. Ведь у вас уже 32,5% акций с пакетом Павла.

- Павел пока не отдает свои акции, - вдруг прохрипел со своего места Липницкий.

- И не отдам! Я вас ненавижу...– вдруг закричал из коридора плененный Павел.

- Отдашь, гаденыш! Куда ты денешься... - снова прошипел Липницкий.

Но их тут же перебила «Гейша».

- Липа, заткнись! С сыном как-нибудь я справлюсь! Вы опять всё правильно разложили, Матвей. Проблемным остается пакет Дмитрия – 12,5%.

- И еще одна акция? Ведь у вашего супруга было 25% плюс одна акция?

- Вы слишком много знаете... Одну акцию Николай оставил себе, на память о своей бывшей компании - голос Липницкого прозвучал совсем уж мрачно.

- И что вы мне предлагаете? – не желая сгущать разговор, оттенок которого становился грозовым, Матвей хотел перевести его на более нейтральную тему.

- Хорошо! Не будем драматизировать, - попыталась взять себя в руки, а ситуацию - снова под контроль, «Гейша», - вам, Матвей, надо уговорить Дмитрия отдать господину Липницкому в доверительно управление, либо, в крайнем случае, продать свой пакет акций. Правда, цена в обоих случаях будет одинакова.

- А почему одинаковая? – простодушно спросил Матвей.

- Просто в первом случае Дима может потерять еще и отца, а во втором – Николай Царев остается жить, да еще с неплохой суммой. Им на двоих. Здесь, в кейсе, два варианта документов, один из которых он должен подписать, и деньги. Полмиллиона евро. Но подписать он должен сегодня!

Грёза Матвея о евро стала явью. Правда, по его подсчетам, в кейс влезала гораздо большая сумма. Ах, ну да! Еще же два документа...

- А вы знаете, где Дима сейчас?

- Это знает Павел. И он скажет и отведет туда. У него есть свой интерес...

- И вы доверите этот кейс мне?

- Конечно, нет. Мы поедem все вместе. Машина большая...

- И чёрная? – не отказал себе в удовольствии поёрничать Матвей. За что получил два уничтожающих взгляда. Липницкого и «Гейши». «А ведь они меня с Митей в живых не оставят. Мы слишком много знаем...» - в горле Матвея странно запершило.

Липницкий достал пистолет и направил на Матвея.

- На этот раз пистолет настоящий. Вольдемар тоже вооружен и пристрелит Павла, если вы будете своевольничать. Выходите!

В коридоре Матвей вызвал малый, пассажирский лифт, заслонив спиной кнопку вызова большого, грузового. Когда кабина подошла и с приятным звоном отворила свои дверцы, Матвей, изображая учтвого хозяина, почти втолкнул в кабину «Гейшу», зашел сам, и Липницкому ничего не оставалось, как зайти со своим пистолетом третьим. Верзиле, держащему руки Павла, было сказано спуститься следующим или другим лифтом, и, не давая возможности своим «гостям» передумать, Матвей нажал кнопку нижнего этажа, продублировав её нажатием кнопки быстрого закрытия дверей.

Дальше всё было четко, быстро и не интересно. Пока брезгливые Липа и «Гейша» надевали антивирусные маски, они на долю секунды ослабили свой контроль за Матвеем.

«Ботан» Липницкий осел от первого же удара в печень, потеряв сознание от второго удара по голове. «Гейше», глаза

которой так и остались открытыми после увиденного падения Липы, хватило нежного нажатия на сонную артерию, после которого она тихо сползла на не совсем чистый пол лифтовой кабины. Матвея успела поразить моментальная метаморфоза её лица, в долю секунды потерявшего привлекательность и вернувшего истинный возраст владелицы за минусом еще десятка лет. Внизу, где, к счастью, не было никого из жильцов, Матвей успел забрать пистолет и, зафиксировав руки Липницкого на шее «Гейши», отобрать у дамы кейс. Подъехавшему на пару секунд позже на грузовом лифте верзиле Матвей показал на торчащие из лифтовой кабинки ноги Липницкого и попросил помочь вытащить тело. «Плохо стало бедолаге...» Доли секунды, на которые охранник отвлекся, заглядывая в пассажирский лифт, хватило, чтобы ударом пистолетной рукоятки по основанию черепа обездвигить его и, отобрав второй пистолет, с трудом втиснуть тушу в маленькую кабину.

Впавшему в ступор Павлу пришлось дать чувствительную пощечину, дабы привести юношу в себя. Убедившись в адекватности Паши, Матвей дал тому четкие инструкции и занял позицию за дверью, ведущей на лестницу. Паша, всё еще держась за распухшую щеку, подошел к сидевшему в джипе водителю и что-то пробурчал, показывая рукой на оставшуюся открытой дверь подъезда (для Питера – парадной). Так ничего и не понявший водитель, выскочив из заведенной машины и, доставая на бегу из наплечной кобуры пистолет, влетел в подъезд. На торчащие из лифтовой кабины ноги он едва ли успел обратить внимание, получив сильнейший удар по голове той же рукоятью того же пистолета.

В джипе Матвей нашел упаковку бутылочек с минеральной водой, которую заботливые водители держат для своих ездоков. Захлебываясь и судорожно глотая воду, Паша совсем не напоминал свою решительную и настроенную на борьбу маму Илонну. Кое как придя в себя, он рассказал, куда могли уехать Митя с Таней.

- Это загородный дом родителей моей девушки, которая уехала на фотосъемки в горы, на пару месяцев. Я был у нее в гостях, и хорошо знаю этот дом. Её родители сидят в карантинном отпуске где-то на островах. Я сам просил Таню заезжать туда, поливать цветы и кормить кошек.

Уже по дороге в этот поселок, когда Паша окончательно пришел в себя и рассказал о том, как его по пути к Матвею буквально перехватили мама и Липницкий, Матвей стал его расспрашивать.

- Если мы едем в дом твоей девушки, то кто тебе Таня?

- Моя девушка учится со мной в Лондоне. У нас все серьезно. А Таню я знаю с детства. Когда-то вместе в летний, а потом и в зимний, лагерь ездили, в одну смену попадали. Подружились. Я-то хлюпиком был, а она – спортивная, боевая. Заступалась за меня. Мы переписывались. Я её даже с мамой познакомил. Хорошая она, Таня. Я очень рад, что они с Митей вместе.

- А ты зачем сейчас в Москву приехал? У тебя же занятия идут?

- Я отпуск взял. У нас это можно. Меня папа просил приехать. Я теперь понял, зачем... А когда приехал, меня мама вдруг стала опекать. Раньше такого не было. У нас с ней натянутые отношения всегда были. Особенно, когда она с отцом фактически разошлась, съехала от него на свою квартиру. Может, потому я и согласился в Лондон уехать. Отец – вечно на работе, а мама – кто-то был у неё, я всегда знал...

- Это был Липницкий?

- Раньше были другие, я их иногда видел, слышал разговоры по телефону. А Липницкий недавно в её жизни появился, из папиного партнера стал её... партнером. Не нравится он мне!

- Паша, а что ты знаешь про императорский дом Романовых, их золото?

- Вот, и вы туда же! Мне мамин отец, мой дедушка, Александр Генрихович Шток, все уши прожужжал об этом. Он помешан был на этой теме, документы какие-то собирал. Говорил мне по секрету, что его дедушка при российском императорском дворе в Тайной канцелярии служил, еле в революцию спасся. Его сын, мой прадед, в архиве ГПУ служил, репрессии и войну пересидел в Сибири, тем и спасся. За границу и не пытался бежать, всё какие-то доказательства искал. Дед мой даже папу этими изысканиями завлек. Пока жив был, всё в кабинете запирались, о чём-то шептались.

- И каков итог?

- Да никакой! Дед умер, а папа в бизнес ушел. Мама, правда, говорила, что папа иногда дедовы записи читает. Она боялась, что он может бизнес забросить, и как мой дед, в историю нырнуть. С головой... Все боялась без средств к существованию остаться. Это её главный страх был. Боялась, что он своими поездками в Донбасс компанию под удар поставит. По-моему, они на этой почве с Липницким и сошлись снова. Хотя, по – моему, она Липницкого презирала, картавым хлюпиком называла. Как она с ним раньше была...

- А какие отношения у Липницкого с Таней?

- Липницкий? И Таня? Да они не знакомы!

Проезжая через какой-то оживленный торговый центр, Матвей остановил украденный джип на набитой машинами стоянке, буквально силой заставив Павлика пересест с ним на местного частного «бомбилу» с номерами соседней области. На робкие протесты юноши коротко сказал – «На джипе – спутниковая сигналка. Найдут!». Пока Паша объяснял водителю маршрут, Матвей просмотрел содержимое кейса на наличие в нем «маячка», переложил бумаги и деньги в найденный им в джипе пакет, а сам кейс с двумя пистолетами, стерев отпечатки, оставил в машине.

Ушлый водитель точно подвез их к коттеджному поселку, и машина уперлась в шлагбаум. Матвей щедро расплатился, записав, на всякий случай, телефон водителя. Павел назвал в микрофон заветные слова, и их пропустили. В нужном доме горели окна, на деревьях мигали, переливаясь, еще не снятые новогодние огоньки, и настроение сразу стало праздничным.

Пока сводные братья выясняли свои жизненные позиции, Матвей, взяв крепко под локоть упирившуюся и зверем смотревшую на него Таню, отвел ее в сторону. Девушка пыталась, в духе современной митингующей молодежи, привлечь внимание к себе, обижаемой, и силовым действиям «сатрапа» Матвея, но быстро увидев, что ни «любимый» Митя, ни «братишка» Паша не обращают на неё никакого внимания, быстро присмирела.

Матвею было глубоко наплевать на девицу, но она была связана с глубоко обидевшим его Липницким, и потому он был намерен выбить из неё правду. Видимо, слово «выбить» легко читалось в его глазах, и Таня, проронив пару бутфорских слезинок, рассказала всё. Или почти всё....

- С Илонной Александровной нас познакомил Паша, попросив меня забрать у неё подарок, который она, якобы, привезла от него из Лондона. Я потом, по ценнику, узнала, что она купила ту курточку в московском бутике, но Паша объяснил, что мама хочет со мной познакомиться. Мы долго с ней болтали, она выпытала всё обо мне и моих родителях, о моей травме, нужной мне реабилитации. Договорились, что я к ней еще подъеду. На следующей встрече присутствовал Пётр, ну...Липницкий, который предложил подвезти меня домой. Было поздно, далеко от метро, и я согласилась. На середине пути Липницкий попросил остановиться, вроде как по естественной причине. Тогда ко мне повернулся водитель, черный такой, небритый. Достал пистолет и сказал, что, если я не выполню их задание, меня и мою семью убьют. Я даже не поняла, что за задание, но согласилась. Тем

более, что мне обещали много денег, а деньги мне были очень нужны.

Потом в машину вернулся Липницкий и объяснил мне всё. Я вам уже рассказывала...

Потом мы встречались с ним. Пару раз. Я тогда уже полюбила Митю и решила отказаться от денег. Липницкий сказал, что задание остается в силе, но если я откажусь или проболтаюсь, то пострадает и Митя. Я честно всё выполнила и решила все рассказать Мите и бежать с ним. Остальное вы знаете. Я очень боялась. Особенно водителя Липницкого. Он был страшный, с оружием и говорит на блатном жаргоне. Кажется, этот жаргон называется «феня» ...

- Ты еще видела этого водителя?

- Нет, больше никогда.

- А как водителя называл Липницкий?

- Никак. А водитель, когда мне угрожать закончил, позвал Липницкого - «Ну ты, терпила! Иди сюда...». Меня это тогда очень удивило.

Что-то стало вырисовываться. Похоже, Липницкий и его сообщница – мадам Шток, прибегли к помощи криминальной структуры. Конечно, транспортная компания с устойчивым именем на рынке коммерческих перевозок – лакомый кусочек. Нелегальные перевозки контрафактного товара, наркотиков, оружия, мигрантов. Матвей не ел нормальной еды уже третий день, и буйная фантазия рисовала ему колонны грузовиков с запретными товарами. Как говорил Жеглов в неизвестном фильме – «Это же золотое дно! Клондайк!». И тогда становится ясной и уверенность Липницкого в своей «крыше» и безнаказанности от мелких правоохранителей, его фокусы с поддельными документами.

И ведь даже искать не надо эту структуру! Достаточно открыть документы и посмотреть, на кого оформлен договор о переуступке

акций. Не на Липу же с его престарелой «Гейшей»! Ясно, что они – статисты, марионетки. На бумагах действительно были другие имена, ничего не говорящие самому Матвею. Но ведь он знал, кого они могут заинтересовать!

И еще там были деньги. Не учтенные, не государственные. Едва ли это были сбережения «кота Базилио и лисы Алисы», но за их утрату эти аферисты могли жестко поплатиться. «За пятьсот тысяч евриков! Да мне бы... А этих козлов...» - мысли голодного Матвея опять понесли его «в даль».

Пока Матвей витал в мыслях о дальнейших своих шагах и неминуемой мести обидчикам (заметьте, СВОИМ обидчикам, а не этого тюфяка Мити и его Дездемоны), братья закончили выяснение ситуации и оба, с довольными рыльцами, появились на пороге комнаты, как поросята, которым удалось обмануть Волка. При их появлении Матвей демонстративно поставил пакет с документами и деньгами рядом с собой, ясно показывая, кто в доме хозяин.

Освободившаяся от жесткого Матвеевского «удержания», Таня молча поглаживала в углу комнаты оставшийся на руке синяк, тихонько, скорее для вида, постанывая.

Торжествующе глядя на Матвея, братья почти хором начали

- Акции мы решили вернуть отцу! А деньги...

- Какие деньги? – перебил их жесткий голос Матвея, - Бандитские деньги, за которыми они сейчас подъедут и перережут вам, как ненужным свидетелям, глотки? Или, если я сейчас, по доброте своей душевной, вас спасу от немедленной расправы, будут охотиться за вами всю жизнь и найдут? Уверю вас, найдут!

Детвора примолкла, вдруг осознав ужас ситуации.

- Быстро говорите, кто еще знает об этом доме?

- Никто! – хором ответили «поросята».

- Павел, у тебя есть телефон с номером Липницкого? – тот кивнул головой.

- Быстро пиши ему – «Митя согласен. Просит привезти ему деньги завтра вечером домой, где он подпишет договор».

Пока Павел дрожащими пальцами набирал текст, Матвей сумел переложить содержимое пакета в найденный им рюкзачок (кажется, Танин? Или Митин? Да какая, к чёрту, разница...).

Оставив испуганных «поросят» в доме, Матвей вызвал уже знакомого ему водителя, моментально примчавшегося к щедрому клиенту. Не став подъезжать к оставленному им джипу, где его уже могла ждать засада, он попросил высадить его у местного рынка. Он снова был очень щедр при расплате с водителем, настоятельно посоветовав тому дня три «приятно потратить эти деньги дома», не «таксовать» и не появляться на той площадке, где его в первый раз нанял Матвей. «Для твоей же пользы!» - так весомо сказал Матвей, что смысленый водитель всё понял и умчался.

Матвей купил разовый аппарат, с которого и сделал все необходимые звонки. Своей «трубке» он уже не доверял и использовал лишь её телефонную книжку.

Путь домой, сначала в переполненной электричке, а потом в таком же метрополитене, наполненными совсем не дружественными инопланетянами в масках, не был приятен. Матвей не раз себя поздравил за то, что вместо хрупкого пакета взял прочный рюкзак, ибо неоднократно рисковал остаться без своего ценного груза.

Тела из лифтов, ясное дело, пропали. И даже полы, к радости жильцов, отмыли.

Остаток дня прошел спокойно. Павел трижды сбрасываемыми звонками в условленное время подтверждал, что у них всё в порядке.

Деньги, как и предполагал Матвей, почти все оказались фальшивыми (а иначе, зачем нужна была такая спешка с передачей акций?). Проверив купюры дома, нехитрый китайский аппаратик установил, что подлинными были только первая и последняя банкноты каждой из десяти пачек, а остальные – обычные принтерные копии на обычной бумаге. Таким образом, настоящие евро, перепроверенные в банке, пошли на оплату непредвиденных расходов самого Матвея, включая покупку нового телефона и пополнение собственной вискотечи. (А нервы? А стресс?)

Через два дня Матвей вновь навестил своего знакомого из серьезного силового ведомства, который сообщил, что были найдены тела Петра Липницкого и Илонны Александровны Шток со следами пыток, от которых те, по мнению экспертов, и скончались.

- Информация о том, что Липницкий пытался расплатиться фальшивыми деньгами за акции транспортной компании была успешно доведена до тех людей, которые фигурировали в договорах, которые ты передал нам. Таких проколов криминал не прощает, поскольку в случае огласки это означает неприемлемую в их среде «потерю лица». Видимо, они изъяли у Липницкого переданные ему деньги, да еще и с процентами, поскольку все его счета, включая офшорные, оказались пустыми. Но для нас важны не деньги, а сами фигуранты.

Так что тебе, Матвей, считай, опять удалось выскользнуть из щекотливой ситуации без ущерба для себя и близких.

- И вы, полковник, уверены в том, что именно история с отксеренными евро стала поводом к тому, что Липницкого и госпожу Шток убрали?

- Да, уверен. Предполагаю, что убиенные под пытками сознались. К тому же в рот самого Липницкого была засунута та самая «ксероксная» банкнота в 500 евро. Ты их, кстати, точно уничтожил?

- Обижаете, полковник. Я же знаю законы, а потом, такой фальшак даже в темноте никому не «впаришь»...

- И напоследок, Матвей, чтобы ты был в курсе. Квартиру, загородный дом и гараж Липницкого, а также все адреса Илонны Шток, кто-то тщательно обыскивал, проверяли все их счета, где и нашли крупные неучтенные суммы. Под нашим контролем, разумеется. Кстати, квартиру Липницкого хорошо «почистил» его племянник, за что и получил на выходе с вещами от «незнакомых дяденек». Спасибо за твой сигнал – все «дяденьки» взяты с поличным. Идет следствие. Еще раз спасибо за копии договоров о передаче акций. Очень любопытные там персонажи фигурируют. Ими уже заинтересовались наши серьезные структуры. А вдруг, что-то полезное получится сделать для страны? – последнюю фразу полковник произнес вполголоса.

- И совсем уж финальная новость. Николая Царева, не без труда, но восстановили на должности генерального директора его транспортной компании, даже без его пакета акций, которые формально находятся у его сыновей. А по Илонне Шток особого движения нет. Муж её похоронил без явного сожаления.

И можешь забирать своих «поросят» из их домика. Слежки за ними не обнаружено.

Получив, без видимых угрызений совести, приятную «премию за хлопоты», полковник отбыл вершить добрые дела «во благо страны», а Матвей вздохнул спокойно.

Почти спокойно, ибо внутренний голос ну никак не мог успокоиться...

Забрать ребят из загородного дома Матвей решил на своей машине. Он не стал сразу сообщать им о всех подробностях завершённой эпопеи, просто сказав, что всё окончено, и они могут вернуться к обычной жизни. Уже подъезжая к границам славного города – Героя, Матвей всё-таки огорошил радостно щебечущих ребят.

- Руками Липницкого и помогавшей ему Илонны Александровны компанию вашего отца хотел получить криминал. Дело не выгорело. Липу и госпожу Шток убили....

Ребята притихли. Потом Паша произнес тихим голосом

- Мы знаем об их смерти из «Криминальных новостей». Да и папа звонил. Я уже свыкся с потерей матери. Только Таня никак не может успокоиться... Такая впечатлительная!

Только сейчас Матвей заметил, наконец, припухшие глаза девушки и скомканный носовой платок в её руках.

И здесь что-то его озарило. Он вдруг вспомнил, что дома у Мити был прекрасный цветной принтер. В свое время нелегально купивший этот аппарат Митя хвастал, что на нём можно даже банкноты распечатывать... И он не мог не сказать своим пассажирам сакраментальную новость.

- А деньги, что были предназначены на покупку ваших акций, оказались фальшивыми. Их тупо распечатали на принтере. Сейчас следователи проверяют все подобные аппараты у фигурантов этого дела.

- А что, разве можно определить, на каком принтере это делали? – с наивным видом спросила Таня.

- Можно, - с видом знатока подтвердил Матвей, - там остаются следы на шторке при выходе бумаги.

Это была, конечно, полная чушь, но ребята никак не отреагировали. По их просьбе Матвей отвез их домой к Мите, где позволил «уговорить» себя остаться на чашечку кофе.

Кофе готовил Паша, Митя неуклюже помогал накрыть на стол, а Таня потихоньку выскользнула с кухни, якобы, переодеться. За ней тихонько вышел и Матвей.

Конечно, девушка направилась прямо в Митин кабинет, к принтеру. Стоявшему у дверного проема Матвею хорошо было

видно, как она открыла верхнюю крышку аппарата и в нерешительности замерла, не зная, видимо, где находится та самая «уликовая» шторка.

- Помочь? – от звука Матвеевского голоса Таня вздрогнула и попыталась убежать, но была схвачена могучей рукой «сатрапа».

- Обещаю не сдавать в полицию, если всё честно расскажешь.

И она рассказала, устав носить в себе столько лжи.

- Когда Илонна Александровна со мной познакомилась, она прямо сказала, чтобы я не питала иллюзий в отношении Павлика, пригрозив всякими страшилками – от подброса наркотиков до неприятностей маме и сестре. Я была удивлена, когда она меня пригласила второй раз. Но здесь она меня познакомила с Липницким. Они были не любовниками, нет. Скорее – деловыми партнёрами с общим прошлым. Про тот разговор с Липницким и его «водителем» я уже рассказывала. Потом мы с Петром несколько раз встречались. В разных местах. Он был такой одинокий, так забавно картавил, вёл себя со мной очень вежливо, искренне обещал помощь мне с реабилитацией, работой маме и сестре. Ну, короче, мы с ним стали близки и даже стали строить планы на совместное будущее. А Митя... Митя стал лишь ступенькой к этому будущему.

Петр рассказал мне про планы своего прихода к руководству компании Митинога папы. Саму компанию он должен был потом продать. Сказал, что под этот план занял много денег у «очень серьёзных людей». Он действительно хотел откупиться от надоевшей ему Илонны, дать денег Мите и его отцу. Я должна была только немного подыграть ему! Ведь никому не планировалось наносить вреда! И никаких денег я не получила. Кроме тех 500 евро, с которых делала все эти копии. Но я их уже потратила...

- Ты это всё расскажешь Мите? – Матвею искренне хотелось причинить девушке физическую боль. Если бы не воспитание и кодекс чести...

- Ничего рассказывать не надо! Мы всё слышали, - Митя и держащий его коляску Павлик стояли у двери, не шевелясь. Так же безучастно они стояли, пока Таня забирала свой чемодан и выходила из квартиры, положив на столик свой ключ.

Вместо эпилога

Через неделю после указанных событий Матвей был официально приглашен на какой-то юбилей той самой транспортно-логистической компании. Его домашние от такой чести отказались по самым распространенным в нашем обществе причинам – «Нечего надеть» и «Я же там никого не знаю». Ну а Матвею было просто интересно.

Встретили его там, как родного. Сначала одетый в шикарный смокинг Павел подвез к нему такого же разодетого Митю. Перебивая друг друга, наперебой заверещали о том, что отец отказался переоформлять их пакеты акций на себя и ввёл сыновей в состав совета акционеров. Далее братья собирались улетать в Лондон, где Павел должен завершить учебу, а Мите должны сделать операцию у «самого лучшего в мире хирурга», получившего, кстати, российский диплом и ранее практиковавшего в одной из известных околоспортивных клиник России. О Тане не было сказано ни слова, а на вопрос Матвея, как продвигаются

отношения Паши с его девушкой, будущая звезда мировой экономики важно насупил брови – «Надо как следует всё обдумать!»

Через несколько минут к их группе подошел весьма респектабельный, если бы не небольшой рост, сутулость и худоба, человек. На возгласы юношей – «А вот и папа!», он протянув руку Матвею.

- Очень рад, наконец, познакомиться. Давно хотел лично отблагодарить вас. Я – Николай Александрович...

- Царев? – решил блеснуть осведомленностью Матвей.

- Уже нет. По примеру своих сыновей, выбравших фамилии матерей, я тоже меняю свою фамилию на родовую фамилию моей матушки. После смены документов буду Николай Александрович Романов! Каково?

Немая сцена «Ревизора» не могла бы быть сыграна лучше. Сам старина Станиславский был бы в восторге.

Судя по вытянувшимся физиономиям сыновей новоявленного Романова, для них это тоже было сюрпризом.

И к удивлению Матвея, его кратковременное знакомство с полным тезкой последнего российского императора на этом не закончилось. Ровно через неделю он сам позвонил Матвею.

- Еще раз спасибо за помощь. Вы рано ушли с нашего корпоративного мероприятия. Там разыгрывались достойные призы, и вы должны были получить один из основных выигрышей. Впрочем, я могу его вам предоставить, даже в денежном эквиваленте, в любой момент... Не надо? Ну, как хотите. Но у меня всё равно есть к вам деловое предложение.

Вы ведь читали мои записи и знаете о проблеме императорского золота. Так вот, со мной вчера связалась известная лондонская адвокатская контора с предложением начать работу по

подготовке иска к банковскому дому Рокфеллеров. Да я понимаю слабые перспективы этого дела и готовность ушлых адвокатов годами кормиться с этой темы! Но Павлик почти убедил меня в том, что реально получение от банкиров отступных и заключение с ними мирового соглашения с назначением мне и моим детям пожизненной ренты. И нам нужен такой человек, как вы, Матвей. И здесь, и для международных расследований. Вы же хотите поехать по миру? Первый класс! Номера люкс! Достойная оплата! Не заинтересованы? Так что мне ответить адвокатам? Куда послать?

Последней картинкой в мозге спокойно засыпающего в этот вечер Матвея было семейное фото тщедушных Николая Романова, Паши Штока и Мити Цыбина на фоне императорских регалий России.

Хорошая иллюстрация к первому закону генетики – «Ну не родятся от осинки апельсинки!»

